

© 2020 О.В. Кириченко
Москва, Россия

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ВОСПОМИНАНИЯ ВАЛЕНТИНЫ АНДРЕЕВНЫ ЗВОНКОВОЙ

Подготовка публикации и предисловие

Аннотация. Воспоминания В.А. Звонковой посвящены церковной жизни автора, начиная с послевоенного времени и заканчивая 2000-ми годами. В центре воспоминаний стоит судьба самого автора, идущего сложной и тернистой дорогой православного христианина в атеистическом государстве и обществе. Автор показывает, что путь этот был непрост не только из-за преследований верующих, но даже в большей степени из-за особой нравственной атмосферы в быстро атеизирующемся советском обществе, где попирались традиционные нормы брачных отношений, где рушились привычные родственные связи и т.д. Воспоминания отмечены тонкими наблюдениями автора за жизнью современников, как церковной, так и светской.

Ключевые слова: воспоминания, советская эпоха с 1940-х по начало 1990-х годов, православные христиане, Русская Православная Церковь, церковность, священники, приходская жизнь.

Abstract. The memoirs of V. A. Zvonkova are devoted to church life from the 1940-s to the 2000-s. At the heart of the memoirs is the fate of the author himself, walking the difficult path of the Orthodox Christian in an atheistic state and society. The author shows that this path was not easy, not only because of the persecution of believers, but even more so because of the special moral atmosphere in the rapidly atheizing Soviet society, where the traditional norms of marital relations were violated, where familiar family ties were broken, etc. The memoirs are marked by the author's subtle observations of the life of contemporaries, both churchly and secular.

Keywords: memoirs, Soviet era from the 1940-s to the beginning of the 2000-s, Orthodox Christian church, church, priests, parish life.

"MY MEMORIES": MEMORIES OF VALENTINA ANDREEVNA ZVONKOVOY

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) - главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, главный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 98-132.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК - 2.21.215

ББК - 86.372.7

Сразу отмечу, что «Мои воспоминания», полученные мной из рук уважаемой и ценимой мной Валентины Андреевны Звонковой, имели законченный вид и были долгожданным явлением, потому что, очевидно, воля Божия расположила ее писать о своей жизни, после многих лет работы по изданию трудов прот. Михаила Труханова, одного из крупнейших богословов советского периода. Не один год мы общаемся с автором воспоминаний, решаем общие задачи, оказываем друг другу помощь, памятуя, что это делается ради славы Божьей и ради сохранения памяти об о. Михаиле, ради забот о его богатом богословском наследии. Два слова скажу о самом необычном, чему мне пришлось быть свидетелем в последнее десятилетие, общаясь с Валентиной Андреевной. На моих глазах происходило невиданное явление: человек переквалифицировался (словно переродился) – из простой прихожанки церкви, лица сугубо подчиненного церковно-певческой деятельности, однако же и первой помощницы о. Михаила в течение не одного десятилетия – в издателя богословских трудов и воспоминаний об этом уникальном священнике. За годы издательской работы она сумела провести колossalную работу по сбору, обработке и изданию трудов своего духовного отца. Конечно, вокруг нее сплотился тесный круг помощников и консультантов, но при этом, ей самой надо было (в пожилые-то годы и со сложившейся привычкой к другому укладу!) с нуля сесть за компьютер, разобраться в его виртуальном пространстве, начать набирать тексты, работать с ними как редактор, вести переписку с издательствами, корректорами, верстальщиками, художниками, словом выстраивать каждый день иную, непривычную стратегию и тактику жизни. Что, конечно, не отменяло главного прежнего, быть церковным человеком. Эти небывалые перемены ясно указывали на то, что активная жизнь о. Михаила продолжается, он продолжает трудиться и помогать своим близким духовным детям решать непростые жизненные задачи, трудиться во благо нашей веры и Церкви.

Конечно, это объяснение мистическое, но вполне понятное; в православно-христианской среде, в таких случаях, одно цепляется за другое; жизнь ученика раскрывается через жизнь учителя, а учитель становится известен трудами своих учеников и последователей. Так было в евангельские времена, так продолжалось в жизни христиан и после. Но, как простой человек, я не могу не восхищаться этими переменами, происходившими на моих глазах. Когда же

Валентина Андреевна передала мне на прочтение рукопись своих воспоминаний, то по прочтении их, многое стало объяснимо, хотя и не все. У таких людей (пишу это, не для того, чтобы лишний раз похвалить ее, в чем она, знаю, не нуждается) самое основное (и это тоже закон подлинной христианской жизни) закладывается в самые трудные годы – в юности, в те годы, когда человек только выходит из детского уютного лона в мир самостоятельности. Здесь тебя скоро начинают на части раздирать противоречия, звать (просто кричать и призывать к себе как сирены Одиссея) соблазны, осаждать те, кто проходил раньше мимо, равнодушно скользил глазами, лишь потому что ты была ребенком, прыгающим как скакалка и мячик, слитым с ним. А тут ты остановилась, завершила детские игры и засвидетельствовала всем свое возрастание и присутствие. Впрочем, это лишь одна сторона, указывающая на то, с какими трудностями сталкивается юный христианин, закладывающий «все основное», фактически фундамент для будущей жизни, в самое неспокойное (и роковое) время своей жизни. А есть и другая сторона, не менее опасная. Эта сторона касается внутреннего, мира сердца, души, там, где происходит по слову Евангелия не только таинственные, но и страшные вещи, порой не видимые и контролируемые человеком. И эти два мира – внешний и внутренний – «Сцилла и Харибда», подстерегающие путников, плывущих по житейскому морю, не миновали и нашей героини, когда она с решимостью пыталась найти точку опоры не на песке, а на твердом камне, имя которому Христос. Несомненно, что для искушенного в православной аскетике читателя на этих страницах найдется много важного и полезного.

Однако, хотелось бы отметить и содержательно этнографическую сторону воспоминаний. Это воспоминания глубоко верующего, церковного человека, жившего в советскую эпоху, воинствующего атеизма. Сегодня многие, большей частью не жившие тогда, или захватившие ее пышное увидание в брежневский период, не сокрушаются и не скорбят сердцем о том, что тогда происходило, оправдывая свою позицию «блестящими результатами материальных достижений той эпохи – или выходом СССР в космос, или победой страны в войне. Победа победой и космос космосом, но забывать о правде того времени христианину нельзя». И автор, как верующий человек, живший в то время, пишет просто и без надрыва: как их семья уехала от репрессий на Дальний Восток,

и вернулась назад, потому что жить там было невозможно. Ее отца - московского пролетария, комсомольца, погибшего от несчастного случая на производстве, советская власть сразу забыла, не позаботилась о его семье; позволила вдове с тремя детьми ютиться в каком-то восьмиметровом чулане, жить рядом с нечистотами. Кто скажет, что это неправда?! И не эта ли власть, отличающаяся какими угодно положительными качествами, столь привлекательными для простого народа, - но только не милосердием, не состраданием, не жертвенностью ради народа; - не эта ли власть порождала в сердцах людей черствость, как следствие господства в школах и вузах страны дарвиновского закона эволюции, где смертельная борьба за жизнь определяет характер прогресса?! Отсюда - родной брат отворачивался от родной сестры (пусть сама выживает!), отсюда люди переходят на самый примитивный уровень семейной жизни: встретились, пожили, разбежались без соблюдения обязанностей, чувства долга, заботы о детях, наконец, любви «на всю жизнь». Всю эту насыщенную сорняками жизнь порождала, надо честно сказать, «народная власть», и эта жизнь особенно больно ранила тех, кто не хотел подчиняться ее примитивным законам. Об этом без пафоса, но ясно и определенно пишет автор воспоминаний. Ее уход в мир религии, как сказали бы ее современники-атеисты, «в мир дурмана религии, ее лжи и притворства», был естественной

тягой чистой души, ищущей помощи Божьей, чтобы сохранить душевную чистоту и незамутненность. Однажды почувствовав присутствие Бога, «в легком дуновении ветерка», она уже держалась этого направления, потому что видела и чувствовала различие двух миров. Ее духовный отец протоиерей Михаил Труханов, не проклинал советскую власть, как духовный и церковный человек, хотя она отняла у него 15 лет жизни на свободе, все время мешала служить приходским священником, сделала его изгоем, за то, что он был честным христианином, любил Христа, как и говорит об этом Евангелие. Но всю свою сознательную, послелагерную жизнь о. Михаил старался не допустить до своей души щупальцев этой власти; то смертельно опасных, то притворяющихся добрыми и мягкими, то нарочито равнодушных. И всякий раз, когда возникала опасность (а она тогда была всегда) он вовремя отвечал на ее выпады, какими бы они не были. Этому искусству он научил и своих духовных детей. Не знаю всех ли и в какой мере, но точно, что учил. Не как педагог-дидаскал, а как Христос учил своих учеников различать знамения времени. Воспоминания Валентины Андреевны насыщены этой энергетикой внимания к своей душе. И, конечно, каждые подлинные воспоминания содержат в себе тайну, заставляющую читателя вновь и вновь возвращаться к их страницам. Эта тайна присутствует и в данных воспоминаниях. Духовного всем прочтения!

©2020 В.А. Звонкова
Москва, Россия

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие

Во славу Божию!

Благодарность Господу моему и Всеблажой Царице Небесной, что по неизреченной Своей милости вывели меня из греховной моей жизни! Неуклонно следили и в трудные минуты вразумляли, останавливали болезнями. У меня нет дара красноречия, чтобы за всё воздать хвалу Господу и Его Пречистой Матери. Но я простыми словами скажу: «Слава Тебе, Господи, и Тебе, Царица Небесная!». Сколько раз в жизни через людей, через сновидения менядерживали от погибельного пути. И из кратких воспоминаний моей жизни люди увидят Промысл

Божий, который руководит человеком.

Слава Тебе, Боже!!!

Слава Тебе, Царица Небесная!!!

Благодарю Господа, что Господь такой милостивый. Внемлет всем нашим молитвам и исполняет все наши прошения.

На мои молитвы меня спаси, Господь послал людей, как Корнилию послал ап. Петра, которые мне, начиная с детства и в дальнейшем, помогали духовно расти.

В храме «Всех Святых» вначале я познакомилась с Евдокией Захаровной, 65 лет, её дочерью Марией Ивановной, лет 45, затем с Дмитрием Прохоровичем, который, в свою очередь, представил меня отцу Михаилу Ежову. Отец Михаил служил в Малоярославце, куда ездить было сложно. В это же время в нашем храме служил отец Владимир Родин, у которого я окормлялась духовно. В 1966 году почил отец Владимир, в 1967 году - отец Михаил.

После их кончины я перешла под руководство отца Михаила Труханова.

Так как большая половина моей жизни прошла рядом с отцом Михаилом Трухановым, то хочется собрать по возможности в хронологическом порядке всё воедино во славу Божию и в память батюшки. О его большой любви к Богу, о смирении, помоши людям, его подвигах, о посте. Действительно, сплошные чудеса. Смотришь на фото в 1-й книге, «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни», - батюшка везде улыбается, будто в санатории, а не в штрафном лагере. Разве не чудо - все ребята с его курса погибли в первые дни войны: об этом он узнал, когда вернулся после освобождения в институт, а его Господь спас, заключив в тюрьму. А разве это не чудо - выжил, отбыв в карцере 5 суток, в котором и самые крепкие заключенные выдерживали не более 1-2 суток. Не имея никакого образования по медицине, возглавляет лабораторию, получает характеристику, что работает врачом с 1943 года, когда он в это время умирал от страшной болезни пеллагры, а врачом работал только в 1953 году. А разве не достойно удивления, что в свои 39 лет, будучи уже 14 лет в заключении и из них более двух лет - в штрафном лагере, отец Михаил не только не был сломлен, но и находился на очень высоком уровне духовной жизни, что мы видим из его писем родным.

«...И как я благодарен Богу за то, что довелось мне пережить и что узнат пришло! Большой радости, чем взаимосвязь с Истиной[1], - не знаю я. И как бы странным тебе ни показалось, но больше всего я узнал именно в течение последних 9-ти месяцев, здесь... Никакая свобода столько дать не может».

«И понимая так свое мрачное настоящее, я силюсь определить время, в которое оно завершит свою надо мною филигранную работу, с тем, чтобы независимо ни от каких других причин тогда сменить одни условия на другие...». Это он пишет Вере Александровне в ответ на её предложение подать заявление на пересмотр его дела. Отсидев 15,5 лет в каторжном лагере, вернулся, окончил Институт Геодезии, Аэрофотосъемки и Кар-

тографии спустя 20 лет (где его и арестовали), переболел туберкулезом, чудом выздоровел, окончил МДА, получив степень кандидата Богословия за работу, принимал живое участие в делах духовных чад, написал тома Богословских трудов. О батюшке написано очень много в разных книгах: «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни»; «Не могу не говорить о Христе» - о второй половине его жизни после освобождения (Минск: Лучи Софии, 2009); «Воспоминания духовных чад» (М., 2018); пять книг «Беседы с духовными чадами».

МОИ РОДНЫЕ

1929 год, коллективизация. Главой маминой семьи был дедушка Степан Бугров, который в колхоз не пошел, а завербовался на Дальний Восток, в г. Комсомольск-на-Амуре, куда уехал со средней дочерью Анной. Там он женился. Анна тоже вышла замуж и имела много детей. На родине, в селе Большой Мелик Балашевского района Саратовской области, осталась бабушка Надежда с младшей дочерью Александрой, там же в 1930 году они обе умерли от голода. А старшая дочь Мария, моя мама, в то время жила в г. Саратове в прислугах в семье военного летчика и с ними позже уехала в Москву. Здесь она вышла замуж за Андрея.

Дедушка Степан с бабушкой Наталией — слева во втором ряду,
Анна с мужем — рядом с ними; первый ряд — их дети.
Дальний Восток, Комсомольск-на-Амуре.
Примерно 1952 год

Жить им пришлось вместе с семьёй его брата Артёма в общежитии, в полуподвале, в

комнате 16-18 м². Зная, какие у них трудные условия, дедушка Степан пригласил маму с папой жить к себе на Дальний Восток. Они уехали. В 1937 году у них родился сын Станислав. Но жизнь там не сложилась, и они вернулись в Москву, в ту же комнату.

Мой папа, Андрей Дмитриевич Звонков, был рабочим, комсомольцем. Однажды ему пришлось перевозить вещи своего начальника, партийного человека, на другую квартиру. Придя домой, отец и говорит маме: «Мария, нам всё говорят, что нет Бога. А ты знаешь, что у моего начальника есть иконы, и Божественные книги, даже вот одно Евангелие я принес домой. Всё, я рву свой комсомольский билет и буду теперь верующим». Но осуществить это намерение ему не удалось – он вскоре трагически закончил свой жизненный путь.

По смерти он явился маме и говорит: «Мария, верь, здесь всё есть: и Бог, и другая жизнь».

1943 год, похороны отца. Справа – дядя Вася, я (4 года) – на руках у мамы, брат Стасик (6 лет) – у дяди Захара, рядом стоит бабушка, крайняя слева – тетя Нюра; во втором ряду слева у тети Оли на руках сестра Надя (1 м-ц), за ней муж Ольги и дети дяди Васи, брата отца.

Погиб он на рабочем месте в 1943 году, в возрасте 30 лет. На производстве его смерть не оформили как несчастный случай, а мама, имея на руках троих малолетних детей, не могла ходить этого добиваться. Нам была назначена минимальная пенсия от Райсобеса, а от производства никакой помощи не получали.

ДЕТСТВО

После смерти отца комнату перегородили пополам и нам досталась половина – 8-9 м²,

без отопления, так как вторая половина этой комнаты принадлежала семье брата, где Артём проживал с женой и сыном (позже Артёма забрали на фронт). На их половине осталась печка, к нам же тепло поступало через небольшое пространство над перегородкой, когда они топили печь. А топили они, когда им было угодно. Кроме того, стена нашей комнаты была общей со стеной общественного туалета общежития, а выгребная яма располагалась рядом с нашими окнами. Запахи были невыносимые. В последнее время нашей жизни в этой комнате, через стены, стала просачиваться влага из туалета.

Мама осталась с тремя детьми: Станислав (1937 г.р.), я (1939 г.р.) и младшая сестра Надя (1943 г.р.). Устроиться на работу с малыми детьми мама не могла. Трудно сейчас передать, что нам пришлось пережить. На помочь добрых людей не приходилось надеяться – все переживали трудное военное время, недостаток был в каждой семье.

Чтобы как-то выжить, мама ходила убирать квартиры обеспеченных людей, оттуда приносила остатки еды. На работу она долго не могла устроиться – не брали, да и троих детей оставить было не с кем. Как только подросла младшая сестра, мама устроилась на работу, часто оставляла нас одних на целые сутки – работала на трех работах, и мы её совсем не видели. Очень рано мне пришлось заниматься домашними делами: готовила обед, нянчила сестрёнку.

В нашей комнате были сделаны нары вагонной системы, как в тёмном купе, на которых спал брат, а над кроватью висела люлька для младшей сестры. Мы росли, ходили в школу, но условий для занятий не было.

В военное время, да и после еще долго выдавали карточки на продукты. Мама получала продукты на месяц и, конечно, их прятала, чтобы растянуть на месяц. Хлеб получала на два дня. Когда принесет хлеб, мы у неё выпрашиваем: «Мама, дай нам сегодня всё, а завтра мы не будем у тебя просить», и так постоянно. Голод не тетка, есть хочется. Брат собирал замёрзший картофель на поле, а тогда не разрешали этого делать, гоняли. Ходил по помойкам, собирал очистки от картофеля, иногда лебеду.

Помню, мама нажарила этой замёрзшей картошки на *гарном*¹ масле - другого не было, а нас потом тошило.

Через стенку жил дядя Артём со своей семьёй. У них в подполе хранилась картошка. Мы с братом придумали вырыть в комнате подпол и оттуда добраться до их картошки. Трудились по ночам, когда мама уходила на сутки на работу, а днем застилали это отверстие ковриком, чтобы не было видно. Таким образом мы добрались до подвала дяди и стали воровать у него картошку. У мамы же потихоньку таскали крупу и все эти припасы прятали в подпол. Когда мама днём уходила на работу, мы на костре варили себе кашу и картошку. Но скоро наши секреты были обнаружены - соседи сказали маме, что мы делаем. Однако в результате получился довольно глубокий подпол, который нам очень пригодился в хозяйстве.

Живя в подвале, мы, дети, часто заходили к живущему на первом этаже в этом же доме дяде Васе (брату моего отца), который вместе со своей женой ходил в храм. Как-то перед обедом дядя читает «Отче наш» подряд 6 раз, спрашивая его: «Ты что читаешь?», он отвечает: «Что написано». Там написано ««Отче наш» страница 6», и дядя 6 раз повторяет ««Отче наш»», только эти два слова. Таковы были познания моего дяди. Молитвенник, по которому молился, он нам не давал, считая нас недостойными.

Ходила изредка в храм и моя бабушка Параскева (мама моего отца). Жила она отдельно от нас. А в нашем доме не было христианского воспитания детей и никогда никаких разговоров на тему о Боге не велось. Только помню себя совсем маленькой, сидящей в храме, видимо, брали причастить.

Стала ходить в храм «Всех Святых», что на Соколе, примерно с 10 лет. Однажды на Пасху, рано утром, я видела, как играло солнце, а из солнца исходил на четыре стороны крест. Поразительное зрелище!

С первого же посещения храм мне очень понравился, и я постоянно стала туда ходить. В нем научилась всему: от «Господи, помилуй!» до полного порядка богослужений. В то время у меня не было ни духовных книг, ни грамотных верующих среди знакомых. Во время службы я буквально смотрела в рот каждому, произносившему разные возгласы - священнику, диакону, певчим, - и по буквам разбирала то, что они говорят и поют.

Первое, что стала я понимать в церковном богослужении, - «Господи, помилуй» и «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу...». Хор же очень долго не любила, потому что не понимала, что поют. Потом запомнила: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». Уходя из храма, по дороге домой твердила: «Святый Боже...». И вот я уже ожидала, когда запоют «Святый Боже...», и радовалась всегда, когда слышала его исполнение певчими. Несколько позже поняла «Отче наш» и «Богородице Дево». По приходе из храма все молитвы записывала на память. И постепенно они запомнились. Много прошло времени, прежде чем богослужение стало понятно и доступно для меня.

Стоя в храме, я чувствовала, будто я стою среди живых святых - живых в образах, размещенных в храме. Отсюда и желание мое - чаще бывать среди живых святых - побуждало меня во все свободные от занятий дни посещать храм.

В начале моего сознательного прихода к Богу, а это было в 11-12 лет, я еще ходила в кино, бегала с ребятами, играла в разные игры, купалась в Москве-реке. Так однажды, собираясь искупаться, сняла с себя крест и спрятала в бельё, полезла в воду, оступилась и полетела в обрыв, а плавать не умела. Вспомнив, что я сняла крест, стала просить Бога простить меня и спасти. Кое-как выбралась из воды и с тех пор уже крест не снимала, но зато и купаться перестала, чтобы надо мною не смеялись, ведь никто тогда крест не носил. Ходили купаться группой, а одна я боялась. Так за всю жизнь и не научилась плавать.

По мере того как храм стал занимать в моей жизни все место, и я часто посещала его, перестала ходить в кино и играть в игры. Незаметно отошла от всех друзей моего возраста.

Особенно любила Донской монастырь, уезжала туда на целый день, брала с собой покушать и до вечерней службы проводила там время. В те годы молодежи в храмах практически не было.

В школе училась внешне, а дома и в церкви росла духовно. Однажды на уроке ботаники я задала учителю вопрос: «Если вы говорите, что человек произошел от обезьяны, то почему в течение 7 тысяч лет больше нет ни одного случая превращения обезьяны в человека, и что это за одна обезьяна?». На этот вопрос он мне не ответил.

¹ Гарное масло - техническое масло, под видом растительного, деревянного. Появилось в России в 1870-е годы.

МАМА

Мама, Мария Степановна Звонкова, была красивая, щёки всегда горели румянцем.

К сожалению, мама потеряла веру, которую имела в родном доме, и потому легко шла на соблазны ради пропитания детей. Говорить о вере, о церкви не приходилось. Мама жила жизнью мирской, о Боге думать было некогда.

Надо заметить, что всякий раз, когда в присутствии мамы я принималась читать вслух книги религиозного содержания, о христиан-

ность слышать эти повествования. И это - всякий раз, всегда!

В храме я усердно молилась Богу о том, чтобы Он привел к вере мою маму, дал ей болезнь для вразумления.

В 1953 г. моя мама жила с Никитой и, забеременев от него, решила сделать аборт. Я узнала об этом и уговаривала ее не делать этого, но мама не соглашалась. Тогда я, став перед нею на колени, со слезами просила ее сохранить ребенка, обещая, что буду сама ухаживать за ним - ведь мне уже 14 лет. В конце концов мама склонилась на мои доводы и 27 января 1954 года разродилась мальчиком, которого назвали Сережей.

Мама и её тогдашний муж Никита постоянно высмеивали меня за то, что я верила в Бога и ходила в церковь. В первой половине 1954 года я часто (даже коленопреклоненно) докучала маме, чтобы она прогнала от себя безбожника Никиту, обещая ей всецело взять на себя заботу о Сереже (Никита ежедневно вывозил Сережу в коляске на прогулку).

Мама согласилась, и со второй половины 1954 года отец Сережи, Никита, у нас в чулане больше не появлялся. Но среди родных поднялась буря, что я слишком молода решать такие вопросы (мне было в то время 15 лет), что я совсем не знаю жизни и сама стану такая, когда мне будет 17-20 лет. Вопрос был действительно серьезный - Сережа рос без отца и без всякой материальной помощи от него.

Не меньшую бурю я переживала внутренне, учитывая, что все окружающие желали мне самого плохого. Я еще горячее стала молиться, почти с отчаянием: неужели Господь меня не спасёт? Молитва моя стала почти дерзкой. Я говорила: «Господи, вот я сегодня Тебя прошу - спаси меня! Тебя называют Всемогущим, Всесильным, а какой же Ты Всемогущий и Всесильный, если человек Тебя просит, а Ты не слышишь? Неужели люди не молились Тебе, но почему же тогда погибают? Тогда зачем же молиться Тебе?». Но тут я

понимала, что здесь что-то другое, ведь Он неоднократно подтверждал мне, что слышит мои молитвы.

Во втором ряду третья справа – моя мама

1951 год. Маме 38 лет, мне 12 и сестре 8 лет.

ской жизни, о Христе, [2] она тотчас же засыпала да еще и начинала храпеть, оказываясь в положении как бы вовсе утратившей способ-

Тогда, не разбирая в чем дело, я еще горячее стала Его просить о спасении. Мне все упорно твердили, что я скоро всё брошу и сама буду такая же, как моя мама. Но я просила, чтобы Господь сотворил чудо и сохранил меня, как Ему угодно, среди этого развращенного мира для прославления имени Его Святого, или пусть сейчас же возьмет меня к Себе, так как я очень хочу спастись. Я также усиленно молилась Божией Матери, чтобы Она любыми судьбами меня спасла. Предстоящая жизнь меня по-настоящему пугала.

Чем больше мне говорили, чтобы я бросила церковь, тем усерднее я старалась делать все наоборот. Годы с 12 до 17 лет были годами горячих молитв и подвигов. Устава я не знала, но постилась строго, один год даже не ела с Великого четверга до Пасхи, ежедневно читала акафист Божией Матери «Нечаянная Радость».

Этот период, пожалуй, самый золотой в моей жизни. Я не молилась, просто горько-горько плакала о том, что трудно спастись - вокруг я не видела примера для подражания, горевала, что нет руководителя, и готова была пойти на любые подвиги, но только под руководством.

Господь по моей молитве совершил несколько чудес. Одно из них - обращение мамы к вере. Это было всем на удивление. Произошло это так.

Мама тяжело заболела: признавали рак желудка. Она не спала ночами и уже не могла лежать на постели, а только сидела. 27 октября 1954 года мы перешли в новую комнату 16,7 м², светлую и теплую. Маме становилось все тяжелее и тяжелее. Чувствовалось приближение смерти. Мама была в постоянном озлоблении на всех и часто раздражалась. Помню, сижу я рядом с ней на постели и улыбаюсь от радостного сознания, что Господь услышал мою молитву и послал маме болезнь для вразумления, а она полусидит в подушках и говорит мне: «Паршивая девчонка! Мать умирает, а она смеется. Останетесь одни, узнаете, что такое мать». Но я ей сказала: «Ты не умрешь. Пойдем в храм - исповедуешься, причастишься, и вся твоя болезнь пройдет». Мама, однако, мое предложение отвергла и, страдая от болезни, еще больше озлоблялась.

1 января 1955 года мы с мамой - первый раз в её жизни - поехали к преподобному Сергию в Троице-Сергиеву Лавру. Она исповедовалась, причастилась и, приложившись к мощам преподобного, почувствовала себя совершенно здоровой - исцелилась.

Когда же вернулись в Москву, у мамы, уже здоровой, появилось сомнение в чудотворном исцелении. Она стала себя убеждать в том, что-де не чудо произошло - просто болезнь прошла сама по себе, случайно совпав со временем посещения Лавры. И вновь началась у неё болезнь желудка.

С каждым днем состояние ухудшалось: было совсем плохо: охи, ахи, рвота, боли в животе и бессонные ночи.

«Прости меня, Господи!» - наконец вырвалось у нее. И тут же ко мне обратилась: «Вези меня к святителю Алексию в Патриарший собор!» Поехали. Там исповедовалась, причастилась и вновь обрела исцеление: возвращалась из собора здоровая и довольная.

Спустя два месяца сомнение опять заползло в душу мамы относительно происшедшего с нею исцеления в соборе. И к ней вернулась болезнь желудка в тягчайшей форме. Врачи не могли помочь, не помогали и лекарства.

По совету верующих повезла её во вторник на акафист перед иконой Божией Матери «Споручница грешных» (что в церкви свт. Николая в Хамовниках). Там, помолившись и приложившись к чудотворному образу Богоматери, выпив тут же флакон масла из лампады пред образом, мама стала вполне здоровой уже окончательно. Конечно, много раз и после этого она жаловалась на боли в ногах, в спине, в области сердца, но никогда уже желудок не болел.

С той поры мама по-настоящему начала жить как православная христианка: молиться дома, посещать храмы, соблюдать посты и причащаться, стала доверительно прислушиваться к разговорам о христианской вере и о жизни по этой вере.

С 1962 года жизнь мамы стала проходить под руководством отца Михаила Труханова, в то время он служил в храме «Всех Святых» у метро Сокол. Мама старалась в точности исполнять все послушания батюшки, а он вёл её по пути духовного совершенства. Достаточно сказать, что в свои 83 года она не соглашалась перейти жить к своим четырем детям, которые звали её, но жила одна (чтобы не быть никому в тягость, и чтобы ей не мешали выполнять свои правила), сама себя обслуживала и выполняла ежедневно молитвенное правило: кроме утренних и вечерних молитв молитва Ангелу-хранителю на каждый день, пятничные молитвы, рядовые Апостол и Евангелие, кафизмы и библейский час (т.е. час чтения Библии), более 2000 Иисусовых молитв. За последние годы жизни Библию она прочитала не менее 15 раз.

1956-й год. Маме 43 года

Отец Михаил дал ей сначала сто Иисусовых молитв и постепенно прибавлял. Когда количество молитв дошло до тысячи, мама пришла к нему и просит: «Отец, сними с меня такое большое правило, нет больше сил его выполнять». Батюшка ей говорит: «Я не сниму с тебя, а ещё добавлю». Тогда она взмолилась: «Ой, нет, нет, буду выполнять, только больше не добавляй». И стала объяснять, что у неё ведь тоже дела: готовить надо, стирать, а когда же всё выполнить? Отец Михаил ей и объясняет: «А ты вот как: сядь и посчитай, сколько ты Иисусовых молитв прочтешь за час, ну, скажем, 500. Пошла стирать - молись. Пробыла в ванной два часа, вот тебе и тысяча Иисусовых молитв. Готовишь обед два часа - вот тебе ещё тысяча молитв».

Маму я навещала примерно раз в неделю. Приду к ней, чай попью, поговорим, времени пройдет с час, она мне говорит: «Ну всё, теперь уходи, больше нет времени с тобой разговаривать, у меня ещё не вычитано правило». Говорю: «Мама, да я к тебе так редко хожу». Она мне отвечает: «А о чём нам говорить-то? По-пустому - незачем, а какие у тебя дела? Каяться да молиться надо». Так и ухожу я от мамы, ни о чём не поговорив. Не любила она праздных разговоров.

Однажды поехала она в храм Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Ордынке и там упала, ударила лицом о каменный угол колонны. Приехала я к ней и не узнала: гематома во всё лицо сине-багрового цвета, глаз не видать. Говорю маме: «Тебя надо срочно везти в больницу». «Никуда я не поеду, - отвечает

она. - У меня есть крещенская вода и молитвы отца, и достаточно, а там - что будет, то и будет». По её вере примерно через неделю у неё всё прошло.

В следующий раз еду я на троллейбусе в храм на Ваганьковском кладбище. Вышла на остановке, перехожу на другую сторону, смотрю - посреди дороги (там двустороннее движение) лежит бабушка. Подхожу, а это моя мама. «Мама, да как же ты упала?» - спрашиваю её. - «Да вот бежала, торопилась ко всемощной, чтобы не опоздать». А ей тогда было 80 лет.

На службу она ходила к ранней Литургии, ехала всегда с первым транспортом, приходила в храм до открытия его. Так однажды первый автобус № 60 шёл раньше, чем по расписанию, ей пришлось бежать, она упала и сломала правую руку. Никакие уговоры не бегать на неё не действовали.

Вообще она не ходила, а почти бегала. Нам в жизни пришлось не один раз менять место жительства. Одно время мы до трамвая добирались 10 минут пешком через парк. Идём мы с ней к ранней обедне, выходим из дома вместе, она палку - в руки, слегка нагнётся - и бегом. «Мама, мама, - кричу ей, - да я за тобой не успеваю». Но нет, она мчится вперед. И часто уезжала трамваем раньше, не дожидаясь меня, всегда боялась опоздать к обедне.

А был и такой случай. Жила она в квартире с соседями. Я звоню и спрашиваю: «Мама, как здоровье, что тебе надо купить, принести?». Она совершенно спокойно отвечает мне: «Да вот, мне наложили швы на голове. Таня (соседка) отвела меня в больницу, а так ничего». «Что случилось?» - задаю вопрос. - «Да я гвоздём голову проткнула. Сильно кровь текла».

В комнате высокие подоконники, в одной из рам вместо шпингалета был вставлен гвоздь очень большого размера. Рама была открыта, мама убирала под окном и, поднимаясь, проткнула голову этим гвоздем.

В 82 года ей делали операцию и удалили опухоль с мочевого пузыря. Когда врачи долго решали, оперировать или нет, она их уговаривала не волноваться за исход операции. Объясняла им, что без воли Божией ничего не бывает, что смерти она не боится.

Зрение у неё сильно ослабло, и вычитывать правило ей стало совсем трудно. Но за год до её смерти произошло следующее событие. У меня на курсах по обучению клиросному чтению и пению учился А. Его забрали в армию, там у него сложились хорошие отношения с прaporщиком Михаилом, которого он привез

потом в наш храм. Однажды в разговоре Михаил обратился ко мне с просьбой помочь снять для него комнату из-за сложных семейных отношений. Звоню маме и говорю: «Пусти, пожалуйста, на время пожить одного человека. Если не уживётесь, то ты его попросишь уйти». Она согласилась, и в тот же день Михаил отправился к маме. Слава Богу, они нашли общий язык, и до самой маминой смерти Михаил жил у неё - более года.

А жизнь их была очень проста. Мама готовила обед, но читать уже не могла, стала плохо видеть. Михаил приходил со службы, обедал и принимался вычитывать маме её правило, это устраивало обоих. Много молитв она знала наизусть. Михаил возил маму на службу в храм каждую субботу вечером и утром в воскресенье и сам стал причащаться. Таким образом, он за год полностью воцерковился. Теперь он имеет семью, четверых детей, работает и ещё поёт в храме.

Мама очень любила петь духовные стихи. Стихотворение «Гора Афон» было её любимым, а особенно куплет:

«А там тебе, афонский житель,
Слуга Мой верный - раб Христов,
Готова райская обитель -
Награда веры и трудов».

Только пела она не афонский житель, а московский житель.

Пришло время её предсмертной болезни и кончины. Господь не оставил её одну, а послал меня в нужную минуту. Михаила в это время отправили в командировку. Приехала я к ней 20 октября 1994 г., был понедельник, час дня. Пообедали, я говорю ей: «Мама, ты иди, ложись, отдыхай, а я помою посуду и пойду». Попшла она в комнату. Вдруг я слышу стоны, бегу к ней и вижу - мама повалилась на кресло, её парализовало. Еле-еле уложила её в постель.

Положили маму в больницу. У неё была только одна просьба: чтобы читали слово Божие. Очень просилась домой, ей хотелось умереть дома. После парализации речь у мамы была нарушена, но я её понимала. И она даже пела свои любимые стихи. Это было удивительно! В своей жизни я видела двух парализованных людей, которые ничего не говорили, но пели [3].

Лежит мама на носилках в коридоре, около кабинета, где ей должны делать рентгеновский снимок головы. Проходит врач, она её зовет. Доктор наклоняется к ней и спрашивает: «Вам что-то нужно?». Мама поет ей стих: «А там тебе, московский житель...». Невольная улыбка появилась у доктора.

Когда забирали маму домой, её проводить вышел весь медперсонал палаты: врач, сестра, санитарка - и говорили, что такой больной у них вообще никогда не было. Она не стонала от болей, не капризничала, только за всё благодарила Бога.

За три дня до смерти едем домой в машине, она что-то хочет сказать, наклоняясь к ней. Тихо шепчет мне: «Этот водитель не слышал стих "Гора Афон", ты ему пропой». «Хорошо», - ответила я ей.

Привезли её к старшему брату, дежурили по очереди. Смотрю и поражаюсь: у неё сине-багровые ноги до колен и уже холодные. Я не вытерпела и спрашиваю: «Мама, а у тебя что-нибудь болит?». И она призналась: «У меня всё так болит». Я очень удивлялась её мужеству и терпению. Она молча, без единого стона переносила боль.

Последнюю ночь я сидела около мамы и несколько раз прочла канон на исход души. Примерно в пять утра я пошла отдохнуть, меня сменил Михаил. Не успела улечься, как приходит он и говорит: «Валентина Андреевна, мама, кажется, отошла». Она почила так тихо и спокойно, что он сразу даже этого не понял. Было 18 ноября 1997 г. Хоронили мы её 20 ноября. День был теплый, светило солнце, снег ещё не выпал. Провожало её очень много народа. Пел большой хор, состоявший из моих учащихся. На могиле служили литию. На душе как-то радостно. Очень многие из провожающих её в последний путь говорили мне: «Валентина Андреевна, Вы знаете, мы чувствуем не похороны, а как будто какой-то праздник».

Отец Михаил неоднократно причащал маму, несколько раз соборовал. Верю, что по молитвам отца Михаила моя мама получит милость от Господа - она всеми силами старалась быть в послушании у батюшки.

ИСПОВЕДАНИЕ ХРИСТА

В 1951 году учеников третьих и четвертых классов заставляли поголовно вступать в пионеры. Прием приурочивали к канунам Первого мая и ноябрьских дней.

В школе № 153 (г. Москва, Ленинградский район) при классном руководителе третьего класса Антонине Ивановне, примерно в 11 лет, мне предложили стать пионеркой. Своим умом, а более внутренним чувством я сознавала, что верить в Бога и быть пионеркой нельзя - нельзя быть пособницей безбожных комсомольцев и коммунистов.

Посоветоваться было не с кем. Я решила, что не буду спрашивать священников, не стану их смущать - они побоятся меня и всё равно правду не скажут. Стала думать, как мне поступить. Придумала «заболеть» (искусственно подняв показания термометра до 39 градусов) и остаться дома под Первое мая. На первый раз удалось мне уклониться под предлогом болезни.

В четвертом классе при той же преподавательнице в день приема в пионеры явилась я в школу в старых, худых, оставшихся от отца валеных сапогах 41-го размера и в рваной материнской кофте. Классный руководитель, посмотрев на меня, «подготовившуюся» к приёму, сказала, что в таком виде на линейку (строй школьников на площади перед зданием школы) выходить нельзя - неудобно, и приём отложили до следующего раза.

В 5-м классе, в 1952 году, я оказалась единственной не-пионеркой. Новой классной руководительницей стала Дина Григорьевна, которая хотела сделать свой класс образцовым, но мешала этому я одна. Учтя мой внешний вид в прошлом году, школой была оказана материальная помощь: мне купили туфли, платье и галстук. И дети собрали и принесли для меня из домов у кого что было. Дали учить торжественное обещание. Я была в очень затруднительном положении. Что было делать? Как себя вести? Несколько раз пыталась сказать классному руководителю, чтобы они не старались, но не хватало мужества. Потом решила так: «Буду ждать последнего дня, а там уж сразу наотрез - будь что будет». Сказать раньше боялась - как бы они меня не уговорили.

Настал долгожданный и радостный день для всего класса - день приёма. Все радовались и веселились, что последняя их ученица будет пионеркой. Спаси их, Господи, много к тому дню они сделали мне хорошего! Только мое сердце трепетало от предстоящего.

Окончились занятия, выстроили учеников, пошли на торжественную линейку. Старшая пионервожатая Эмма объявила, что сейчас будут принимать в пионеры Валю Звонкову. «Валя, выйди вперед и иди к знамёнам».

Я выходжу и громко заявляю перед собравшимися: «В пионеры я вступать не буду, потому что я верующая в Бога, христианка».

Мгновенье было гробовое молчание, весь класс повернулся в мою сторону. Никто ничего понять не может, что случилось. «Что ты наделала?! Почему ты раньше об этом нам не ска-

зала? - заговорила после замешательства Дина Григорьевна. - Конечно, пионерская организация - организация добровольная... А теперь - ты нас опозорила...». Но дело было сделано. Школьники по команде вернулись с линейки в класс на последний урок. В классе разговоры не клеились, все молчали... Вскоре все дети были отпущены по домам.-

Впоследствии учительница говорила, что она чуть-чуть не упала, ей было очень плохо - так на неё это подействовало, да ещё оттого, что после оказанного добра я всех опозорила.

О происшедшем много потом говорили на родительских собраниях в школе. Учителя все допытывались у мамы: «Мария Степановна, как это вы упустили dochь, ставшую верующей в Бога христианкой?». Мама отвечала: «Сама я в церковь не хожу. Валя очень самостоятельная девочка - куда хочет, туда и ходит. Мне за неё никогда смотреть - я ведь в двух местах работаю!».

Одноклассники меня любили за то, что, имея хорошую успеваемость по школьным предметам (особенно по математике, участвовала в районной олимпиаде), помогала отстающим. И хотя я была одной из лучших учениц в классе, потом лишали многих наград, но меня это нисколько не огорчало.

После позорного провала третьей попытки сделать меня пионеркой администрация школы явно относилась ко мне с презрением, и когда раздавали учащимся билеты на посещение кино, музеев, Кремля (например, Оружейной палаты - в те годы это была очень большая награда), открыто заявляли, что лишают меня билетов за то, что своей верой позорю школу.

Таким образом, я одна осталась в классе не-пионеркой и в 1954 году успешно закончила 7 классов школы № 153.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Когда мне было 3-4 годика, война 1942-43 годы, время голодное, всегда хотелось есть. Папа приходил с работы поздно вечером. Мама ему оставляла покушать. Нас укладывала спать. Я делала вид что сплю, как только папа приходил и садился за стол, я тут же вставала и усаживалась на стул, облокотившись ручками на стол и смотрела как он кушает, сердце отца не выдерживало, и он всегда делился со мной, за что мама всегда ругала, но её ругань на меня не действовала, потому что папа меня защищал. Это продолжалось ежедневно, и мама меня прозвала лиса-патрикеевна.

Летят немецкие самолеты с большими крестами на крыльях, кажется, вот-вот заденут крыши домов, летели так низко, что было видно их пилотов, как они бросают листовки, мы, дети, бегаем их собираем. Я была совсем маленькая, но дети были разного возраста и постарше. Листовки призывали сдаваться. Взрослые тут же отбирали их у детей.

Жили мы в общежитии, в подвале находилось бомбоубежище. Было страшно, когда по радио объявляли: «Воздушная тревога», все люди бежали прятаться. Моя мама говорила: «Лучше погибнуть на воле, чем засыпят в подвале», и никогда туда не ходила, но слава Богу, наш дом остался цел. Хотя не далеко от нас был дом, там во время бомбёжки хозяйка ходила с иконой «Неопалимая Купина» и гранаты которые падали около её дома не разрывались, а после бомбёжки приходили саперы и их доставали.

Позже, когда бабушка Параскева приходила к нам домой, и всегда с узелком под подмышкой, я её спрашивала: «Бабушка, а что ты всегда с собой носишь», она отвечала: «Смертный узелок». У неё в разных местах жили дети и она их навещала. Так если, я умру, чтобы не было никому хлопот. Есть в чём похоронить.

ЮНОСТЬ

В 12-15 лет духовная жизнь протекала живо, молилась я в разных храмах, чтобы не быть приметной в одном, - это было небезопасно: если замечали молодёжь, то принимались соответствующие меры и на работе, и в учебных заведениях.

Особенно часто я посещала храм Воскресения Христова в Сокольниках, где так умилительно-молитвенно пел хор слепых, и невольно тянулась туда душа моя. Еще любила Новодевичий монастырь. Сам монастырь в то время находился в введении государства, но в нем действовал один храм.

Там от врат до храма сидели нищие и пели духовные стихи, а также продавали их. Так ради них я туда ездила и приобретала духовные стихи, в частности: «Райская птичка», «Восстань и восстань и от сна пробудись» [4] и «Духовные листочки». Однажды один мужчина продавал маленькую Псалтирь на славянском языке с очень мелким шрифтом, но спрашивал по тем временам большие деньги. Помню, долго думала, но решилась купить, так как в то время такие книги нигде не продавались, ни в нашем доме, ни у знакомых их

не было. На время давали мне молитвенник, я из него переписывала утренние, вечерние молитвы и правило ко Святому Причащению и снова возвращала владельцу. Грамотных по чтению церковного языка также у меня никого не было. Учиться было негде. И вот эта Псалтирь стала моим училищем.

Знала я, что «Помилуй мя, Боже» - это Псалом 50. Начала карандашом ставить цифры около псалмов, дошла до 50, получилось, обрадовалась. Знала, что в Псалтире 150 псалмов, и так дошла до конца. Затем эти цифры выписала на листочек, и у меня получились церковные числа на славянском языке.

Зная 50-й псалом, я его стала изучать на церковнославянском языке и выписывать буквы под титлами, постепенно учила и другие псалмы, внимательно слушала чтение и пение их в храме, но мало что понимала.

Жили мы в общежитии: 3 коридора по 15 семей, да еще подвал и верхний этаж. Одна общая кухня, где стояли примусы, керосинки, у более зажиточных людей - керогазы. Один общий туалет, выгребная яма была огромная, когда её вычищали, приезжала ассенизаторская машина с цистерной. Мыться ходили в городскую баню. Общение между соседями было тесное. И вот все сердобольные соседи начали проявлять ко мне сочувствие, что, мол, девочка не тем увлеклась. Начались уговоры, воспитания, запугивания, говорили, что это всё - увлечение, которое пройдет, она всё бросит и будет жить, как все.

И чем больше меня запугивали, тем усерднее я стала молиться, чтобы все их уговоры не исполнились. В молитве я просила особенно Божию Матерь, чтобы Она меня спасла любыми судьбами, пусть возьмет мою жизнь - я не хочу жить и грешить, чтобы погибнуть.

Вера моя подвергалась искушениям: в школе постоянно внушали, что Бога нет, и в мое детское сознание вкрадывалось сомнение: а слышит ли Бог мою молитву? Как Он может слышать мою молитву, когда Ему столь многие люди тоже молятся?

Ещё я молилась и просила, что если Господь слышит мою молитву, то пусть покрестится мой двоюродный брат Виктор (сын дяди Артёма, они жили в нашей же комнате за перегородкой). Его родители были неверующими и категорически запрещали его крестить, поэтому было бы действительно чудо, если бы он покрестился. И чудо совершилось: он покрестился (сейчас не помню подробностей).

СЕРЁЖА

Я действительно взяла на себя ответственность за своего брата Сережу. Носила его в храм, постоянно причащала. Храм, в который я ходила, - «Всех Святых», что у метро Сокол. Принесу его, положу под иконой «Нечаянная Радость», он и проспит всю службу до причастия. Все в храме удивлялись и звали меня маленькой мамой. В семь лет и два месяца, 12 марта 1961 г., он первый раз соборовался у отца Михаила (Ежова) в Малоярославце (к этому времени я уже была знакома с ним).

Справа – Мария, далее отец Михаил (Ежов), затем Нина, жена Дмитрия Прохоровича; слева – моя мама, Евдокия, Полина, стоит в стихаре Сережа, около него сижу я. Это все мои друзья.

1961 год.

Здесь батюшка благословил его надевать стихарь и прислуживать в храме. Долгие годы он прислуживал в алтаре, читал и пел на клиросе. Тогда мне о. Михаил сказал: «Серёжа вырастет, отойдёт от Бога, но ты не переживай, сейчас такое тяжелое время, а потом он снова вернётся в церковь. То, что в него заложено, не пропадёт». И действительно, вернувшись из армии, он стал другим человеком – неверующим. Но по жизни у него столько было неприятностей, что в конечном счете он осознал, что не просто так на него сыплются все напасти (одной из них была смерть его сына в 16 лет от астмы).

И Серёжа вернулся к Богу. Работая медбратьем на скорой помощи, он имел слабость выпивать. Приходил ко мне, каялся в своей слабости, но опять делал то же. Последний наш разговор с ним был таков. Говорю ему: «Сережа, пока ты в таком хорошем состоянии (имею в виду покаяние), прося Матерь Божию, чтобы не постигла тебя смерть в таком виде, ведь и мо-

литься за тебя будет невозможно». Не прошло и трех месяцев после этого – Серёжа скоропостижно скончался на работе 18 июня 2015 г.

В то время он работал от Страховой компании Скорой помощи на предприятии, там дежурили сутками по двое. Сидели с напарником и разговаривали до двух часов ночи, потом легли спать, а когда пришла смена на дежурство, Сергей лежал мертвым, – по заключению врачей, оторвался тромб. И что интересно, когда приехала забирать его скорая помощь, там оказался его близкий друг детства Василий,

который с ним вместе учился. Он был совершенно потрясён, увидев Сергея. Был на похоронах, затем пришел домой и никак не мог прийти в себя, его это очень опечалило. Я с пристрастием спрашивала, что с Серёжей, он однозначно сказал, что причина смерти – тромб, по всем признакам: он лежал тихо и спокойно, и синева уже уходила с его лица. Кто будет это читать, помолитесь о рабе Божием Сергии.

21 января 2018 г. Вижу сон.

Выхожу я из храма (как будто это происходит на Ваганьковском кладбище), подхожу к Георгиевскому храму, а там на улице приготовили всё для молебна. На столике лежит моя записка, где заказано три молебна – Спасителю, Божией Матери, а третьему – не помню кому. И думаю, что не помню, когда я подавала на эти молебны. Священник пошел в храм,

поджидали, когда соберется народ. Люди стали прибывать, уже собралось много. И вдруг я слышу громкий протяжный голос: «Валентина Андреевна!». Я поворачиваю голову и вижу, что это мой покойный брат Сергей. Стоит немного в стороне от народа красивый, молодой, высокий, более чем на голову выше всех, улыбается, мне поклонился. Спустя два с половиной года после смерти он явился первый раз.

Еще при жизни Сергей часто причащал свою внучку Марию, которую очень любил. После его смерти и жена Людмила начала читать Евангелие, соблюдать посты, но до причастия дело еще не дошло, хотя намерение есть.

ДРУЗЬЯ ПО ХРАМУ

В возрасте 14-15 лет у меня появились друзья по храму – тетя Дуся (65 лет) и Мария (45 лет), её дочь. Они стали моими духовными руководителями. По их совету я поступила на курсы счетоводов. Окончив их отлично, по-

ступила на курсы бухгалтеров. Когда и их закончила успешно, преподаватель, как хорошую ученицу, устроил на работу, хотя устроиться было сложно. Мне тогда исполнилось 16 лет. Ко мне везде относились очень хорошо.

Более поздние мои друзья и подруги юности.
Слева – Мария (45 лет), далее – Нина,
жена Дмитрия Прохоровича,
потом тётя Дуся (65 лет), затем Полина и я. 1962 год

В это время я стала проявлять большой интерес к христианству и прочитывала с жадностью книги религиозного содержания (Евангелие, Жития святых, Повествования на евангельские темы и др.), какие только мне удавалось доставать у знакомых по храму верующих.

Немного позже у меня появились две подруги старше меня – Люба и Полина. Вот весь мой круг друзей.

Друзья и подруги были прихожане храма «Всех Святых» на Соколе, с которыми не расставались в течение всей жизни.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В храме я обычно стояла и молилась в разных местах, но потом мне Мария указала место около иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», около которой я потом молилась много лет. И Матерь Божия даровала мне нечаянную радость.

Весной 1954 г., в мои пятнадцать лет, не имея никаких материальных средств, Мария меня берёт на свой счет поклониться святым местам Киева и Почаева. В поездке много было трудно-

стей, по дороге от Тернополя до Кременца сломался автобус, так и ночевали в поле. Прибыв в обитель, по дороге в скит попали под ливень, промокли насекомые. Вечером пошли на службу, думали, совсем простили, но Господь помиловал. За ночь ни одежда, ни обувь не просохли, утром опять мокрые пошли в храм, там было так холодно, что ноги примерзали к каменному полу, пили очень холодную воду от Стопочки Царицы Небесной, и Матерь Божия сохранила нас – мы не заболели. Перед отъездом домой отстояли две Литургии, причастились и отправились в обратный путь. Надо было идти 25 км пешком – не было денег на автобус. Пища была скучная – корка от ржаного хлеба. Прошли полпути, сели отдохнуть, съели хлеб и никак не можем подняться от усталости, с трудом встали и пошли дальше. Дорога, по которой шли, полна чудес. А камни по обе стороны дороги имели форму человеческой стопы. По преданию, один поселенец сеял гречку, шла Царица Небесная и спросила сего человека: «Что делаешь, раб Божий?». Он ответил: «Камни сею». Она ответила: «Да будут камни здесь». С тех пор всё это место в камнях в форме человеческой стопы. Набрали их с собой. Всю ночь пришлось сидеть на станции в ожидании поезда. И что удивительно, утром мы не чувствовали никакой усталости. Домой

1958 год. Мои подруги Полина (слева) и Люба, я – справа.

вернулись благополучно. Воспоминаниями о поездке жила целый год, от них душа наполнялась радостью и трепетом.

Начитавшись житий святых, на меня особенно подействовал подвиг монашествующих, и мне невыразимо сильно захотелось принять монашество, но в те годы это было нереально – монастырей практически не было. В миру я старалась нести какие-то подвиги, но меня постоянно предупреждали не делать этого. Особенno просила Матерь Божию помочь мне жить по-монашески в миру, очень горячо молилась. Просила Бога и Матерь Божию, чтобы какими Им угодно судьбами, но спасли мою душу.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В мае 1958 года Господь снова благословил посетить святые места – Глинскую пустынь, Киев, Почаевскую Лавру.

Глинская пустынь была нашей первой остановкой. Страстную и первые дни Пасхи мы провели в уединении от мира с моими друзьями: тетей Дусей, подругой Любой и дорогим отцом Никоном, схимонахом Глинской Пустыни. Обстановка Глинской пустыни напоминает древний уединенный монастырь: глухой лес, строгость выполнения монашеских правил, тишина и благоговейное отношение друг к другу насельников обители. И только дом инвалидов, занимающий одно из помещений, нарушает их покой. Трапеза общая, во время неё читают поучения или жития святых. Молитвенное состояние, тишина и спокойствие наполняют душу. Служба шла по 12-14 часов по афонскому уставу, проповеди – утром и вечером. В Великий четверг я первый раз там соборовалась. В Великую пятницу, когда дряхлые телом, но сильные духом старцы выносили Плащаницу, что творилось в храме! Бесноватые, которые там находились, кричали, стонали, выли разными голосами, то мычала корова, то залаяла собака. Мне было страшно повернуть голову – рядом со мной мычала корова. Впервые я поверила словам, что волосы дыбом могут подниматься. Точно так было здесь: воистину у меня на голове поднимался платок от страха. Когда Плащаницу поставили на место и начали прикладываться, всё утихло, я робко посмотрела по сторонам – кругом стояли спокойно люди, и редко у кого не текли слёзы. Пятница и суббота прошли в подготовке к Пасхе. Святая ночь. Нет ни одной электрической лампочки: звездная, тихая, теплая весенняя ночь, тишина во всем лесу. Вдруг раздаются удары деревянных бил, и торжественное шествие с пением

«Христос Воскресе» двинулось в темноту леса вокруг храма. Чувства, которые переполняли душу, невозможно описать, ощущение, что ты на небе.

Так прошли страстные и первые дни Пасхи. У Марии тут был знакомый ей отец Никон, мы у него часто бывали. Он меня спрашивал: «Ты любишь монастырь?». Я отвечаю: «Очень». Он говорит: «Будешь, будешь игуменьей, но смотри – никаких подвигов не бери, лучше согрешить и покаяться, нежели иметь мнимые подвиги, которые ведут к высокоумию». Была на исповеди у отца Серафима, он мне сказал то же самое: «Подвигов, смотри, никаких не бери, ни поста, ни лишних молитв, а то и на копейку не сделаешь, а тщеславия и гордости будет на рубль».

В конце недели у меня отекли ноги, стали как бревна, обувь надеть не могла.

Из Глинской мы отправились в Киев, посетили все святыни: Киево-Печерскую Лавру, Покровский, Флоровский, Введенский женские монастыри, Владимирский собор и другие святыни Киева. Оттуда направились в Почаевскую Лавру.

В Почаеве пришли на благословение к схииеромонаху Николаю, а он и говорит: «У, Валентина – монашеское имя» (хотя Валентина – мученица). Я думаю: «Про какое монашество он говорит, когда и монастырей почти не стало?». Следует заметить, что в эти годы всюду монастыри закрывали, монахов выгоняли из обители, и не только выгоняли, но и сажали. А Мария отвечает, что можно и не быть в монастыре, а образ жизни вести монашеский.

Путешествовали мы три недели.

ДМИТРИЙ ПРОХОРОВИЧ

В храме «Всех Святых» осенью 1954 г. (мне 15 лет) я познакомилась с Дмитрием Прохоровичем, у него брала читать духовные книги.

Он постоянно навещал больных, с которыми познакомил меня. Это две парализованные сестры Анна и Пелагия, которые лежали по 20 лет прикованными к постели, а за ними ухаживала их мама Татьяна Михайловна. И когда они умерли, как она рыдала и говорила, что еще бы столько же ухаживала за ними, ей это было не в тягость. Вот что делает христианская родительская любовь! Навещала я их до смерти.

Дмитрий Прохорович был старше меня более чем на 20 лет. Часто посещал наш дом, очень любил Сережу. И так как жил один, свою любовь отдавал нам, помогал везде и во всём. Как старший друг, давал много советов

в письменном виде. Им написано много духовных стихов, любил фотографировать (все фото здесь - его работы).

В это время я особенно любила Донской монастырь и там служившего отца Николая Голубцова [5], у которого находилась под руководством до перехода к отцу Михаилу (Ежову), пользовалась его советами. Вот некоторые из них: не читай светской литературы, не заводи со многими дружбу, читай святые книги и делай из них себе выписки. Что я и делала - у меня тетради выписок из книг.

Подхожу однажды и говорю: «Ба-
тюшка, благословите нас дружить как брат с сестрой с Димитрием Прохоровичем», а он говорит, что такая дружба Церковью запрещена и он не благословляет. Спросил, сколько мне лет? Говорю: «17». - «До 18 - ни замуж, ни в монастырь, а в храме до 30 лет работать не благословляю, пока духовно не окрепнешь, а то в храме много искушений».

В 1958 г. Димитрий Прохорович познакомил меня с отцом Михаилом Ежовым, к которому мы втроем, вместе с Серёжей, ездили в Малоярославец.

Димитрий Прохорович занимался толкованием Апокалипсиса. Я от отца Владимира Родина получила пишущую машинку и печатала, правда плохо, эти толкования. Отец Михаил возмущался его трудами, потому что в своих толкованиях он постоянно использовал цитаты светских писателей и мало уделял внимания святым отцам. Отец Михаил говорил: «Митька не слушает, в прелесть впадёт». Но мы продолжали свое дело.

Постепенно увлеклись дружбой до такой степени, что потребовалась посторонняя помощь, чтобы остановить наше безумное увлечение: с одной стороны - его духовный отец Михаил, а с другой - Мария.

Мария видела сон. Как будто я иду по дороге, с обеих сторон - лес, направо свет сияет, а налево тьма непроглядная, и я поворачиваю на левую сторону и ухожу всё глубже и глубже в чащу леса, во тьму. Мария кричит мне: «Валя, куда ты идёшь?», взяла меня за руку и повела назад.

До этого дня я видела сон. Икона Божией Матери, то ли «Казанская», то ли «Нечаянная Радость», и какая-то невидимая рука меняет лампаду серебряную на золотую. Икона будто

В центре справа – отец Михаил; во втором ряду справа стоит Димитрий Прохорович, первая слева за столом – Нина, его жена [6], за ней я, за мной – моя подруга Полина.

живая, а я стою около неё с непокрытою головою и распущенными волосами (для меня это было уже неприемлемо).

После этого пришлось порвать дружбу с Димитрием Прохоровичем. Спустя некоторое время, по благословению отца Михаила, он женился.

Друзьями мы остались, но на дальнем расстоянии. С моим переходом к отцу Михаилу Труханову наша дружба совсем прекратилась. Прошло много лет, я совсем ничего не знала о его последующей жизни, как-то и молиться за него перестала. Не знала и о его кончине. В июле 2013 года вижу сон. Я в комнате, передо мною открытая стена, стою на краю. И как будто бы снизу на каком-то полотне кто-то поднял Димитрия Прохоровича. Он лежит очень бледный, и вид его очень страдальческий. Происходит разговор на мысленном уровне. Он как бы спрашивает меня: «Ты хочешь знать, как я живу?». Было ясно, что вид его о хорошем не говорит, т.е. просто беда. Я отвечаю: «Да, я вижу». И его снова на этом полотне опустили под пол.

После этого я стала его поминать довольно-таки часто, заказывала сорохоуст. Прошло какое-то время, и я его видела уже стоящим среди людей. Помоги ему, Господи!

ОТЕЦ МИХАИЛ ЕЖОВ

В 1958 г. с отцом Михаилом Ежовым - последним из послушников Оптиной Пустыни перед её закрытием - меня познакомил Димитрий Прохорович. Рукоположен батюшкой был

почти в 60 лет. Во время нашего знакомства ему было более 70 лет и он служил в Малоярославце.

Отец Михаил Ежов

И у меня было к нему полное расположение. Стал он меня останавливать от подвигов, говоря, что подвиг мой не по разуму, что он не для этой жизни, нужно идти средним - царским - путем. Достаточно утренних и вечерних молитв и по возможности навыкать Иисусовой молитве, также и пост держать по силам. Относительно всяких плотских грехов - в них нужно просто каяться, так как они присущи всему человечеству, и только один Бог без греха, не нужно об этом много задумываться. Монахам надо строго следить за собой, а мирянам - быть добрыми, милостивыми, всех любить. Так по-немногу я стала оставлять свои правила, переходя на более легкий путь, а то, думаю, и вправду как бы не погибнуть.

В те годы телефонов у нас не было, отец Михаил служил далеко, часто к нему не подешь, и поэтому общение было письменное. В результате у меня сохранилось множество писем, благодаря которым яросла духовно, и по сей день я их перечитываю.

В его храм, только что открытый после запустения, отцы нашего храма пожертвовали иконы, семисвечник, деньги (в частности, настоятель - иконы, отец Владимир Родин - деньги).

Мои друзья стали мне давать книги. Так, Жития святых я читала не отрываясь всё свое свободное время, так же и другие книги. Я уже хорошо научилась читать по-церковнославянски. Многие годы стоя в храме на богослужении и ничего не понимая, я просто мучилась, поэтому решила, что если когда-нибудь мне придётся читать в храме, то буду выговаривать каждую букву, чтобы люди понимали, что читается.

Отец Михаил мне постоянно говорил: «Читай, вникая в смысл читаемого, сама молись, тогда и слушатели будут молиться вместе с тобой». И, слава Богу, я старалась это исполнять. Посещая отца Михаила, за неимением там других чтецов, начала читать в сельском храме. Впервые читала часы, шестопсалмие и другие молитвы.

Давая благословение на чтение в московском храме, он сказал: «Не знаю, будешь ли ты петь, но ты будешь чтица и не уходи с левого клироса». Так во исполнение его благословения я и осталась чтецом, хотя много было порывов уйти в певчие, даже пела в правом хоре, а потом меня вежливо попросили вернуться на левый клирос, объясняя, что там я - на своем месте.

Позже, когда я уже стала читать в московском храме, то читала много, чтецов молодых совсем не было. Голос у меня был слабый, а храм большой и всегда много народа, так как на всю большую округу был один храм - «Всех Святых» на Соколе, и я привыкла читать через нос, т.е. гнусавить. Мне казалось, так сильнее идет звук. И вот я зачитала гнусавым голосом.

Однажды приехала в храм к отцу Михаилу Ежову в Малоярославец. Ехала после работы и, конечно, на службу опоздала. Вхожу в храм, мне дают часослов - читать шестопсалмие. И вот я зачитала гнусавым голосом. Отец Михаил из алтаря как закричит, передразнивая мое чтение «Слава в вышних Богу»: «Что это за «слава», читай как следует!». Я остолбенела, а по другому-то не могу, уже разучилась. Не помню, как дочитала до конца. И потом уже всегда читала как следует.

Но этот опыт мне пригодился в дальнейшем. У нас в храме «Воскресения Словущего» на Баганькове, был алтарник Константин. Позже он был рукоположен и служил в Нижегородской епархии. Прошло немного времени, и он приехал к нам на престольный праздник. И так же, как я, гнусавил. Как же было противно его слушать!

Вечером я ему звоню (я имела его телефон по службе) и говорю:

Около дома отца Михаила, в Малоярославце. 1959 год.

«Отец Константин, что с тобой? Тебя невозможно слушать». Значит, и меня невозможно было слушать, а я ведь много читала в храме, и никто не сказал. Вот такие у нас чтецы. Он поблагодарил и удивился, почему ему никто никогда не сказал, хотя он много служил с другими священниками.

У отца Михаила я окормлялась с 1958 года.

А вот одна из трудностей тех времён. Его около восемьдесят лет отправили служить в Сыктывкар. Правда, пробыл он там очень малое время, не по его силам была такая командировка, но как факт это имело место. Вот фото, где мы его провожаем на вокзале.

Ярославский вокзал, проводы отца Михаила в Сыктывкар.
Он в первом ряду третий справа. 1960 год

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

1958-1959 гг. Мне 20 лет.

В нашем храме «Всех Святых» проходил практику семинарист Александр, и отец Павел предложил мне выйти за него замуж - ему необходимо рукополагаться, а для этого надо жениться. Мама обрадовалась, стала готовить платье и прочее к свадьбе. Но я решила без благословения старца не решать сама этого вопроса. Хотя я и имела отца Михаила как духовника, но мне хотелось узнать Волю Божию у святых старцев.

В это время в Псково-Печерской обители подвизались старцы схииеромонах Симеон и отец Савва, к которым все ехали за благословением.

Бот в мае 1959 г. Господь сподобил меня посетить Псково-Печерский монастырь, чтобы решить свой вопрос.

Псково-Печерская обитель замечательна своим месторасположением. Храм Архангела Михаила находится наверху, а все остальные храмы - внизу, между двумя высокими холмами. Красота сказочная! Поместились мы в гостинице (была с тетей Дусей), в свободное от служб время ходили на послушание. Работали на самом видном со всех сторон месте, как ни старалась вести себя строго, а молодость берёт свое, нет, нет да и посмотришь на молодых монахов. Заметил это о. Савва и говорит тёте Дусе: «Плохого ничего не скажешь, а молодость есть молодость, да и молодые послушники проходят, посматривают, лучше от греха уехать». (Да ещё она ему сказала о моей дружбе с Дмитрием Прохоровичем). Хотела остаться на Пасху там, а приходит тетя Дуся и говорит, что собирается уезжать домой, и осторожно передала мне слова отца Саввы. Как ножом подкосила она меня, залилась я горькими слезами и пошла к батюшке, говорю: «Благословите меня в дорогу». Удерживать меня он не стал, благословил, дал наставление в свой храм неходить до Троицына дня. Пошла от него, обливаясь слезами. Люди смотрят. Наскоро собралась наутро уезжать. Иеросхимонах Симеон был болен и никого не принимал, собственно говоря, я к нему

и ехала. Стоим мы в храме, и вдруг по секрету говорят, что о. Симеон отъезжающих завтра благословляет. Нам посчастливилось, нас он принял, зашли мы и с нами еще одна паломница, сердце мое разрывалось от внутренней скорби - жаль расставаться с обителю, от оскорбленного самолюбия, а самое главное, что делать - идти замуж или нет. Стоим мы в прихожей его кельи, они с ним разговаривают, а я не слышу, о чем они говорят, только молюсь в душе: «Господи, прости меня! Дорогой батюшка, помолись, что мне делать?». Только прошу Господа решить мою проблему - идти замуж или нет? А сама решила - не буду его спрашивать ни о чем, что сам скажет, то и будет волей Божией. Благословил нас всех иконочками, дал по просфорочке, их проводил, а меня завел вовнутрь своей кельи, потом взял своими слабыми руками мою руку, да так крепко, что через телогрейку я почувствовала силу его руки, проводил до двери своей кельи и говорит: «Замуж не ходи, не подавай соблазна мужчинам. Будешь, будешь белая монахиня». После такого приема старца я летела, как на крыльях, счастливая, всю скорбь как рукой сняло.

Вернувшись домой, от замужества я отказалась. После этого семинарист Александр ушел из нашего храма, ему было неудобно.

ХРАМ «ВСЕХ СВЯТЫХ». НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ В ХРАМЕ

16-18 лет. Все свои отпуска я брала Великим Постом - или с первой недели, или со Страстной, как получалось по работе. И всегда проводила в храме. Никогда ни в один отпуск я никуда не ездила отдохнуть.

Отец Михаил (Ежов) велел мне идти к своему батюшке в храме «Всех Святых», чтобы взять благословение на клирос. «Насчёт пения - не знаю, а чтица из тебя будет хорошая». Но я отказалась. Прошло еще время, и батюшка настойчиво приказал мне идти на клирос.

18-19 лет. Прошли еще годы, отец Михаил говорит: «Иди читать в храм в Москве. Скажи: «Благословил священник». В храме «Всех Святых» регентом была монахиня Параскева из закрытого Страстного монастыря. Ей в то время было около 80 лет. Вечером, перед службой, подхожу вся в волнении. Говорю, что сказал батюшка. Она мне и отвечает: «Ну, иди, читай шестопсалмие, посмотрю, что ты знаешь». Взяла я книгу первый раз в этом храме, пошла читать на середину храма, а это не деревенский храм, где три бабушки, храм «Всех Святых» был всегда полон народу. Свет погасили, тем-

но. Свечу взять не догадалась, да и не смела в первый раз. Начала читать, хорошо, что по молодости была хорошая память. Читала почти наизусть. Под коленками дрожит. Книга в руках прыгает, ничего не вижу. Кое-как прочла. Подхожу к клиросу передаю ей книгу, она довольно грубым голосом мне говорит: «Ну, ничего, становись на клирос». И с этого дня вся моя жизнь - на клиросе.

ИСКУШЕНИЕ С ПЕНИЕМ

На клиросе я была основным чтецом, так как молодежи совсем не было, одни пожилые женщины и те - малообразованные. Вот интересный пример. Держит певчая ноты вверх ногами, т.е. сверху вниз, и поёт по ним, ей говорю: «Тётя Таня, ноты поверните». Она отвечает: «Я и так пою», а держит она их так потому, что это её ноты, они с кляксой, поёт по памяти, а в нотах мало что понимает.

Я о себе, как чтеце, уже что-то воображала. Но вот был престольный праздник правого придела в честь иконы «Всех скорбящих Радость». Клирос очень маленький, на праздник собрались певчие, пели и монахини. За неимением места меня попросили с клироса уйти. Мне настолько было это обидно, что вот я им нужна только тогда, когда на клиросе никого нет, а вот собрались - и я уже не нужна. Всё, пойду учиться петь! Надо сказать, у меня совершенно отсутствует музыкальный слух. Недалеко было музыкальное училище им. Чайковского, и вот вечером я отправилась туда, чтобы договориться об учебе у них. Прихожу. - Что вам надо? - Хочу учиться пению. - Хорошо, давайте мы вас послушаем. - Послушали и сказали: - Нет. Оттуда я шла, заливаясь всю дорогу горькими слезами. Но сама решила, что на клирос я больше не пойду, коли я там не нужна. Прихожу на вечернюю службу. Стою в конце храма, около свечного ящика, проходит одна наша певчая, Анна, и спрашивает, почему я не иду на клирос? Я ответила: «Больше туда не пойду, мне там делать нечего». Она взяла меня под руки, потащила силой на клирос и говорит: «Тебя поставила туда Сама Матерь Божия, как ты смеешь уходить? Мало ли кто что скажет, не обращай внимания ни на кого, как бы тебя ни обидели».

Прошли годы, и я вспомнила в детстве первое свое занятие по музыке. Недалеко от нашего дома-общежития жила Валентина Владимировна в отдельном доме, из бывших господ. Меня она видела в храме, и как-то пригласила к себе. Она человек интеллигентный, играла на

пианино, и я попросила меня поучить. Помню первое занятие, она нажимает на ноту «до», а я произношу что-то невообразимое. Мама спрашивает её: «Какие успехи у моей Вали?». Она отвечает: «Вы её не расстраивайте, у неё нет совершенно музыкального слуха, но ко мне она пусть ходит». Мы с ней дружили долго, пока её дом не пошёл на снос, и она переехала на другое место. Она мне рассказывала много интересного. Во время бомбёжки её мама ходила вокруг дома с иконой «Неопалимая купина». Падали бомбы в сад около дома, но не разрывались, после приходили саперы и вырывали бомбы из земли. Ещё она рассказывала, что её родители из дворян, но очень добрые люди и всю свою жизнь прожили в такой любви и заботе между собою, что подобного она в жизни не встречала, имели много крестьян, которые у них работали, когда была революция и их пришли раскулачивать, то все крестьяне встали на защиту и не позволили их трогать, и все остались с ними.

Здесь же Господь и утешал. Однажды был такой случай.

Великий Четверток. Утром, уходя в храм, я попила святой воды, — мне же надо много читать. Идет Литургия — причастие, причащаются буквально все молящиеся в храме. В то время я еще не знала, что это день установления Таинства Евхаристии и нужно всем причащаться. Но я так загорелась, мне так захотелось причаститься, что я забыла и про исповедь, и про то, что утром попила святой воды, пошла, тоже причастилась, и мне было так хорошо! И только спустя какое-то время я вспомнила, как, не подготовившись, я причастилась, в чём потом исповедовалась.

Однажды на Пасху, это был 1964 год, стоя я вторую обедню, служба шла в приделе «Всех скорбящих Радости». Очень устала, ноги подкашиваются, я чуть-чуть не упала, стою ворчу: «Вот, люди зарплату получают и давно дома спят после ночной, а я чего ради стою и падаю?». В алтаре на жертвеннике стоит образ святителя Гермогена Московского. Я невольно бессознательно смотрю в алтарь и вдруг он, точно живой, мне говорит: «Ты что ворчишь? А как же мы трудились?». И вдруг мне стало так хорошо, куда делась вся усталость, я ещё отстояла третью обедню и не хотелось идти домой.

ХРАМ «УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ» В ВЕШНЯКАХ. 1968-1970 ГГ.

К этому времени ушли в мир иной мои духовники — отец Михаил Ежов, отец Владимир

Родин. В нашем храме служил отец Павел (фамилию не помню), его перевели в храм Успения Божией Матери в Вешняки, и он уговаривал меня перейти с ним. А в это время у нас был новый строгий настоятель, и однажды он сказал мне, что я здесь — пустое место. Мне было так обидно, что я все-таки перешла с отцом Павлом в другой храм. И хотя настоятель потом много раз просил меня вернуться, но я не согласилась. И так с 1968 года до смерти отца Павла я трудилась в Вешняках.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР РОДИН

О нашем безбожном времени много написано, о том, как тяжело было верующим и особенно духовенству. Казалось, что уже не осталось истинных пастырей, так как их всех вербовали, и верующие к ним относились с подозрением. Примеров этому много. Но Господь хранил Своих избранников, а им давал мудрость незаметно совершать путь спасения себя и своих пасомых.

В нашем храме служил отец Владимир Родин, настоящий верующий человек, очень благородный, интеллигентный и довольно красивый. Внешне он не походил на подвижника, вел себя как обыкновенный человек. Ходил всегда в шляпе и длинном летнем пальто, под ним он прятал подрясник, а под шляпой скрывал длинные волосы. Интересно он их маскировал: волосы, которые видны из-под шляпы, были короткие — он их стриг, а вверх подбирал длинные волосы, и наружу их не было видно.

Так как к отцу Михаилу я не всегда могла поехать в Малоярославец, то стала с вопросами обращаться к отцу Владимиру. С ним мы были знакомы давно — еще в 1954 г. он освещал нашу комнату и, когда уходил, то деньги, которые мы ему дали, оставил у нас под подушкой. Когда у о. Михаила Ежова был ремонт храма, я подошла к о. Владимиру и спросила, не может ли он помочь на ремонт? Он мне дал 1000 рублей — в то время это были очень большие деньги, я была удивлена, ведь он меня еще не знал хорошо и мог во мне сомневаться — в то время мне было всего 18-19 лет.

Однажды Великим Постом мне пришлось быть у него в гостях, и как же я была удивлена, когда он приготовил кашу без масла, ничего скромного на столе не было. А проще сказать, кроме каши, просто ничего не было.

Отец Владимир познакомился ближе с нашей семьей, особенно благотворное влияние он оказывал на Сережу. Сережа его очень любил. Он стал помогать нам материально. По сей

день хранятся его подарки (в частности, пишущая машинка, на которой я много трудилась для Дмитрия Прохоровича и для отца Михаила Труханова). Предложил нам воспользоваться его дачей, так как по семейным обстоятельствам они дачей не пользовались. Так в продолжение долгого времени и после его смерти мы пользовались этой дачей.

Когда в 1962 г. Хрущев обещал закрыть все храмы, я обратилась с беспокойством к отцу Владимиру: «Батюшка, что же нас ждет?». А он спокойно мне сказал: «Ты не переживай. Обещали оставить храмы для доживающих пенсионеров, а их каждый год на пенсию уходит много, так что храмы ещё будут». И, надо сказать, я успокоилась.

В 1963 г. отец Владимир отправил меня отдохнуть в Одессу, оплатив все расходы, так как здоровье мое уже было подорвано, а я никогда нигде не отдыхала, нагрузки же были большие.

Потом его перевели из нашего храма, и через полгода, 9 февраля 1966 г., после операции на желчном пузыре (врачи говорили, что операция прошла хорошо), он внезапно умер.

Я за него молилась, и Господь утешил меня. До 40-го дня вижу сон. Идет отец Владимир в хорошем настроении в черной рясе. Я спрашиваю его: «Батюшка, как тебе там?». Он ответил: «Пока неплохо, а что будет дальше - не знаю». Разговор был большой, сейчас его не помню точно. Но только он сказал: «Кто меня не забудет здесь, того и я не забуду». На этом сновидение закончилось. Я продолжала молиться, и спустя некоторое время, после 40-го дня, на Вербное воскресенье Господь еще раз меня утешил.

1966 год. Вербное воскресенье. Накануне я исповедовалась в Елоховском соборе, утром хотела встать рано, прочитать правило и причаститься.

Мама с Сережей в 7 часов ушли в храм. Я завела будильник. После их ухода хотела вставать, но подняться не могу, меня точно пригвоздили к постели. Со мной подобного никогда не было. Время 7.30, 8.00, 8.30, подняться не могу, правило читать уже некогда. Тогда я решила уже не вставать и спать столько, сколько нужно. Повернулась к стене и спокойно стала засыпать.

Вдруг над головой возглас покойного отца Владимира: «Благословленно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков». Хор: «Аминь», и раздалось Ангельское пение: «Благослови, душа моя, Господа». Затем снова возглас и запели второй антифон. Я слу-

шаю и не пойму, что за Ангельское пение? Что за хоры?

В это время голос мамы: «Валя, вставай, ведь опоздаешь к обедне». Я проснулась, дома никого нет. Быстро собралась и поехала в Богоявленский собор. Вхожу в храм - поют второй антифон «Хвали, душа моя, Господа». Я причастилась. Настроение у меня было очень хорошее.

Отец Владимир Родин

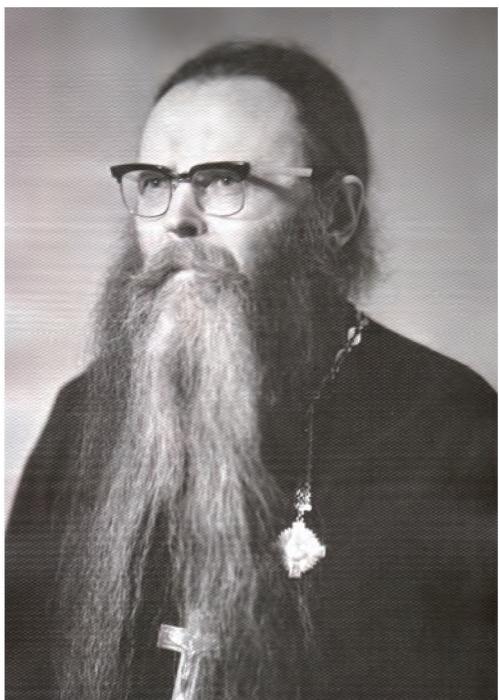

Отец Владимир Родин

Слава Богу, что Господь, хранит своих избранников даже в эти тяжелые годы, да ведь и быть по-другому не может. Не будет праведников - не будет существовать и наш мир.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ОТЦОМ МИХАИЛОМ ТРУХАНОВЫМ

Моё знакомство с отцом Михаилом Трухановым началось в 1962 г. в храме «Всех Святых», что на Соколе. С 1958 г. по благословению отца Михаила Ежова (это мой духовник с юности) я читала и пела в этом храме. В церковь я ходила после работы почти каждый день, а также в воскресные и праздничные дни.

Прот. Михаил Труханов

Настоятелем храма в этот период у нас был отец К. Прихожане отца настоятеля очень любили. Он был довольно красив, с длинными волосами, что в те времена было редкостью, хороший певец, иногда пел трио с певчими правого хора.

На время болезни и отпусков наших священников летом 1962 г. назначили служить отца Михаила Труханова. Последним в отпуск ушел отец настоятель. Отец Михаил любил служить. Служащие священники часто просили его за них послужить.

По окончании службы о. Михаил говорил молящимся: «У кого есть дела и кто торопит-

ся домой - идите, а кто может - оставайтесь». Очень редко кто уходил.

Будничная служба, в храме всего пятьдесят человек вечером. И вот батюшка начинает рассказывать, что такое утреня, вечерня, что означает 103-й псалом. А на прощание говорит: «А завтра мы поговорим о том, что такое «Свете тихий». И каждый раз утром и вечером он разъяснял людям порядок и содержание богослужения.

После службы люди подходили к певчим и спрашивали, когда в следующий раз будет служить отец Михаил. С каждой службой батюшки народу стало приходить всё больше и больше. И к концу его трёхмесячного служения на будничном богослужении храм был полон, как в большие праздники. Только и слышишь: «А когда батюшка будет служить следующий раз?».

Закончились отпуска у наших отцов. Вернулся из отпуска отец настоятель. Вечерняя воскресная служба. Полный храм народу (в те годы в праздники и в выходные в нашем храме всегда было много молящихся). Окончилась служба, народ не расходится, так и стоит стеной.

Вышел отец настоятель. Народ расступился, благословение брали те, кто стоял на пути его прохода. Он поднялся на хоры, а народ стоит и не уходит.

Я не уходила из храма, так как предчувствовала что-то недобroе. Отец Михаил очень долго не выходил из алтаря, ожидая, когда уйдёт народ из храма. Погасили свет, сторож предложил освободить храм, так как служба закончилась. Наконец, батюшка вышел из алтаря, и весь народ пошёл к нему под благословение.

Такой «измены» со стороны молящихся отец настоятель, конечно, вынести не смог. В понедельник же последовал донос Патриарху, что отец Михаил - дебошир, служит в нетрезвом виде, искажает Евхаристический канон и т.д.

А в конце года патриарху Алексию I управляющий делами владыка Киприан передал на просмотр дела священнослужителей. Он стал смотреть. «Пьяницы есть. Дебоширы тоже, - говорит. - Но, когда священник нарушает Евхаристический канон, такого действительно нужно под запрет». Он подумал: «А может, лишить сана?». И тогда, естественно, вызывает настоятеля, вызывает благочинного и начинает их пробирать: «Согласно канонам церковным, если вы установили, что священник искажает Евхаристический канон, то не имели права допускать его до следующей службы. А как это получилось, что вы в последний день пишете о нем, что он искажает Евхаристический ка-

он? Ну вот, отец настоятель, я сейчас и вас запрещаю в священнослужении. Как вот этого о. Михаила Труханова, так и вас».

Тот ему в ноги: «Простите, Ваше Святейшество!». Тогда Патриарх задает вопрос: «Скажите, что заставило вас на собрата клеветать?» - «Бес попутал, Ваше Святейшество! Простите!».

Сразу же, на следующий день, телеграмма батюшке за подпись архиепископа Киприана: «Явиться в Патриархию». После состоявшейся беседы Святейший Патриарх берет его служить в свою резиденцию, на подворье [7].

А «измена» объясняется очень просто: человеческую душу ведь не обманешь. Когда люди почувствовали на себе силу молитвы о. Михаила, его доброту, любовь к каждому человеку, желание всем спасения, тогда каждый потянулся к тому, кто его действительно любит. И много духовных чад осталось у батюшки после служения в храме «Всех Святых». И, конечно, это вечернее богослужение было последним для о. Михаила в нашем храме.

Я работала, всё свободное время продолжала петь в храме «Всех Святых», поэтому времени ездить в церкви, где в дальнейшем служил отец Михаил, у меня просто не было. Да в ту пору он и не был моим духовником. И до времени мы с отцом Михаилом не общались.

ПРИРОДЁННЫЙ БУХГАЛТЕР

Многие, зная меня, часто говорили: «Прирождённый бухгалтер». Мое образование - неполное среднее, т.е. всего 7 классов средней школы и курсы бухгалтеров. Но мне Господь дал понимать бухгалтерию не формально. За каждой цифрой я видела жизнь той организации, в которой работала. А работала я в разных местах и бухгалтером, и старшим бухгалтером. Устроилась я работать в ЦАС (Центральный аптечный склад) З-го Главного управления. Дали мне участок работы «Претензии». Так как медикаменты рассыпались по всей стране, то, естественно, были случаи, когда что-то не туда отослали, что-то разбилось, что-то не доложили. Когда я приступила к работе, был огромный ворох документов по претензиям. Работала вместе с юристом, так как были арбитражные дела. Через три месяца не осталось ни одного нерешённого дела.

В это время в Ремонтно-строительном управлении З-го Главного управления освободилось место главного бухгалтера. Стали искать подходящего человека на это место. И вот наша юристка предложила мою кандидатуру.

Меня вызывал начальник Управления и предложил занять это место. Я отказалась по причине того, что у меня было представление, что все там ругаются матом. Я ему об этом сказала, на что он меня заверил, что никогда ни одного такого слова я здесь не услышу. И слово он действительно сдержал. Никогда при мне не было ни одной ругани матом. Встал вопрос о том, что я не партийная. Мне говорят: «Вы же понимаете, что все производственные вопросы решаются на партийных собраниях (а главный бухгалтер - номенклатура Главка), и вы обязаны быть на этих собраниях». Я им ответила: «Я к вам не просилась, и если не устраиваю, то - до свидания». Прошло какое-то время, и они решили все-таки меня принять.

Ещё одна интересная история. Между З-м Главным управлением и нашим Ремонтно-строительным управлением было ещё Спец. управление, которому мы непосредственно подчинялись. Главным бухгалтером был Николай Петрович, старообрядец (как я потом узнала), ходил с бородой, держал себя важно, как говорили - был судим, даже отбывал срок, потом реабилитировали, конечно, не партийный. Приглашал меня на праздник в свой старообрядческий храм. Возможно, его отношение тоже было причиной, по которой меня, не партийную, терпели на этой должности.

Так я проработала главным бухгалтером около 8 лет.

Срок сдачи годового отчёта был 11-го января. У меня он был готов к 6 числу, так как я за 11 месяцев сводила баланс и только добавляла за декабрь текущие операции, поэтому у меня всё было готово очень быстро. Мне всегда говорили, что я - прирождённый чтец и прирождённый бухгалтер. Однажды нужно было уйти на праздник Рождества Христова, а это были будни. Прихожу к начальнику в кабинет и говорю: «Батюшка», потом спохватилась: «Простите, Анатолий Иванович». Он улыбнулся и сказал: «Ничего, ничего». Прошу: «Отпустите меня на выходные на 7-8 января (Рождество Христово)». Спрашивает: «А как годовой отчет?» Отвечаю: «Он у меня готов». - «Хорошо, идите».

В те времена приобрести легковую машину было очень сложно. И З-е Главное управление выделило на наше Управление три машины: начальнику, главному инженеру и главному бухгалтеру. Я от машины отказалась, также отказалась от дачного участка (в Истринском районе нашему Управлению были выделены участки для дач, где все сотрудники построили себе дачи) и от квартиры в Химкинском районе.

И всё по одной причине - не хотела обременять себя житейскими заботами, чтобы без препятствий служить в храме. Загруженность и ответственность главного бухгалтера большая.

За это время в организации у нас было два судебных процесса, в одном из них прокурор требовал привлечения к уголовной ответственности главного бухгалтера за халатное отношение к своим обязанностям. Но у меня, слава Богу, все документы были в порядке, и даже были документы с двумя подписями начальника, в случаях, когда я предупреждала о незаконности какой-то операции. Слава Богу, для меня всё проходило благополучно. Но здоровья на это уходило много.

Также приходилось обновлять свой гардероб - необходимы были выходы в Главк. Когда я подумала, на что у меня уходят средства и для чего мне такие нагрузки, пришла к решению оставить эту должность.

Храм отделен от государства - ни пенсии, ни оплаты больничных, никаких привилегий там нет. Кроме как на должность уборщицы, в храм устроиться было невозможно. Был просто запрет до 40 лет работать в храме. И когда я попробовала устроиться на клирос, меня вызвал уполномоченный по делам религии А.А. Трушин и несколько часов стыдил, ругал и в конце концов попросту выгнал из кабинета. Но, невзирая на всё это, я просчитала, сколько минимально мне надо, чтобы прожить, получая зарплату уборщицы, поняла, что и зарплаты уборщицы мне хватит, а все остальные проблемы я оставила на волю Божию. И так было до 1991 года, когда работников храма приравняли к государственным служащим и стали выплачивать пенсии и прочее.

Уход с работы был очень продолжительный, я подаю заявление на уход, а его рвут, и это неоднократно. Пока через канцелярию официально не подала заявление и только тогда через определенное время смогла уйти.

ХРАМ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ» ЧУДО СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

С должности главного бухгалтера я перешла работать в церковь «Нечаянная Радость», что в Мариной Роце. Работала я псаломщицей, а оформили меня уборщицей, так как иначе в храме работать молодежи не разрешали.

Когда староста по документам узнала, что я бухгалтер, стала меня просить посмотреть документы и отчеты храма.

Начала смотреть и увидела, что ни один документ ничему не соответствовал. И когда я показала это старосте, она в ужасе взялась за голову и упросила меня помочь как-то навести порядок, хотя бы подогнать под годовые отчеты какие-то данные. По правде сказать, это был какой-то ужас, а не отчеты и учет.

А я по простоте и по глупости взялась переписывать отчёты продавцов, все учётные карточки, подгоняла под месячные и годовые отчеты, да не за один год. Староста была влиятельное лицо и добилась того, что меня оформили бухгалтером. Я думала, что раз Церковь отделена от государства, то что особенного, если я в документах наведу порядок, чтобы они хотя бы соответствовали отчетам, которые сдавались.

Но, как и следовало ожидать, сообщили куда следует, и нагрянула комиссия из одиннадцати человек. Здесь были представители всех органов - и ОБХС, и Райисполкома, и милиции.

Всё сразу опечатали: кассу, ящики, склад. На колокольне у нас стоял ящик с мукою. Они на него посмотрели, но не опечатали. В этот день работа закончилась, они ушли.

Мы в ночь со старостой убрали всю муку и засыпали туда стиральный порошок, в храме он нашелся, принесли еще из дома. А почему? Мука была не оприходована. А это значит, что её пересчитывали по норме на выпечку просфор и по продажной стоимости предъявляли хищение, это были приличные суммы, а это был уже криминал.

Утром, когда пришла комиссия и пошли наверх второй раз смотреть муку, то ужаснулись, что их обманули. Они нас чуть не расстерзали! Мы им доказывали, что они спутали и не рассмотрели, что там. Дело дошло до документов. Взяли у меня все документы, они все написаны одной рукой, одними чернилами и в одно время.

Фининспектор Федоров берет в руки карточки и спрашивает, почему одной рукой одними чернилами оформлены карточки за несколько лет, и еще раз повторил: «Ну что, Валентина Андреевна, вы скажете?». Я не проронила ни одного слова - говорить нечего. Только ждала, что придут и меня арестуют. Сами понимаете, чем дело пахнет... Мне говорить нечего, я поняла, что мне грозит. Сидели в комнате за круглым столом, передо мною висел образ Святителя Николая (вот когда мы по-настоящему начинаем молиться - когда беда на носу!), мне не оставалось больше ничего, как только просить св. Николая. Фе-

доров мне задавал массу вопросов, отчего и почему. Я сидела молча, спокойно, не отвечая ему ни на один вопрос, так как понимала, что всё бесполезно, факты переделанных документов налицо. Но зато вся моя душа вспила к святителю Николаю: «Спаси и защити, дорогой святитель! Ты же знаешь, что сейчас решается моя судьба!».

И действительно, совершилось чудо. Кончился рабочий день. Федоров, не получив от меня никакого ответа, попрощался, ушел. Больше к этому вопросу возврата не было. Старосту, конечно, сняли, я уволилась. Прошло немного времени, встречаю на улице этого инспектора, он мне и говорит: «Пожалели мы вас, Валентина Андреевна, а то бы вам сидеть». Думаю, пожалел волк... оставил хвост да грибу. Думаю, если бы не святитель Николай, вы бы «пожалели», мы знаем, как вы «жалеете».

Работая бухгалтером в храме, я совмещала и клиросное послушание псаломщицы. Мне очень хотелось петь, и я упросила регента правого хора Николая Сергеевича (а он был ученик регента Синодального хора тоже Николая Сергеевича) взять меня петь в хор. Он мне не отказал, и я некоторое время пела в правом хоре. Потом он мне говорит: «Знаешь, что я вот в храме всю свою жизнь, и встретил всего только четырех чтецов, из которых один - это ты. Ты не гордись, это Божий дар, и тебе им надо служить Богу. А в правом хоре певцов много и с очень хорошими голосами». Так мне пришлось вернуться на левый клирос. Мне было горько и обидно снова возвращаться на левый клирос, стала подумывать об уходе. Но Господь судил иначе.

Вижу сон. Стою я на клиросе, подходит ко мне Монахиня, дает пачку записок и говорит: «На, читай, и всегда здесь стой». Так благословение отца Михаила (Ежова) постоянно исполнялось - быть на левом клиросе.

ХРАМ ВЛАДИМИРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

После ухода из храма в Марьиной Роще, по благословению отца Михаила (Труханова) и по приглашению знакомого настоятеля отца Степана Середнего, я пошла служить в Куркино в храм Владимирской иконы Божией Матери.

Для плохо видящих и плохо читающих певчих на клиросе я крупным шрифтом переписывала богослужебные тексты: тропари, стихиры, молебны, панихиды и вообще почти полный служебный круг был переписан крупным шрифтом.

ХРАМ СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

В 1976 г. отца Стефана из Куркино переводят в храм Сретения Господня в Новую Деревню Пушкинского района, и он забирает меня с собой. Там в это время служил отец Александр Мень. И мне пришлось наблюдать его служение, общение с людьми. Дома друзья и знакомые, зная, что я тружусь в храме, где служит и о. Александр, меня постоянно спрашивали, каково мое мнение о нем и о том, как он служит, потому что в это время шли очень разноречивые разговоры о нем: кто говорил, что он святой, кто - совершенно противоположное. В моих воспоминаниях, которые я начала писать через какое-то время, многие люди просили меня сказать правду о нем. Написала я на двух страницах, но печатать не пришлось [8]. Об усопших плохо не говорят.

В это время отец Михаил (Труханов) служил в Никольском храме гор. Пушкино. После его увольнения в 1979 г. и я ушла из храма в Новой Деревне.

Во время работы в храме Сретения Господня в Новой Деревне была очень интересная история. Кончилась служба, я торопилась успеть на электричку до перерыва, потому что дома меня ждали, обещала быть рано и заняться покраской пола. После службы звонит один человек и говорит, что ему необходимо со мной встретиться. Это было нежелательно, но я решила его дождаться. Он задерживался. До того времени, когда я думала, что ещё успею на электричку, я нервничала, когда же поняла, что мне до перерыва не уехать, то успокоилась и решила, что это воля Божия. Мы встретились, на электричку я опоздала и, уже не торопясь, пешком пошла на вокзал. Иду, меня обгоняют «Скорые помои», сигналят. Дошла до поворота, который прямо на вокзал, а мне навстречу идёт масса людей. Ближе к подходу на станцию всё было перекрыто. Люди шли на трассу, останавливали весь транспорт, не давали проехать, просили, чтобы их подвезли. Что же произошло? Во время прихода последних до перерыва электричек на станцию Пушкино, одной из Москвы, а другой из Сергиева Посада, обрушился надземный пешеходный переход через пути - мост - из-за большого количества людей, находящихся на нем. Было много погибших и травмированных: кто-то упал прямо под колеса не успевшего затормозить поезда, некоторые погибли от поражения электрическим током (висели на проводах) или были прибиты падающими вслед за ними развалина-

ми и людьми. Когда я узнала об этом, выступил холодный пот от ужаса, что и я могла висеть на этих проводах. Меня сохранил Господь. ЧУДО БОЖИЕ меня спасло! Приехав домой на попутке, я целый день не могла прийти в себя, била дрожь [9].

РЕГЕНТСКИЕ КУРСЫ

Я была чтецом. Для городского храма это хорошо, а для сельского храма, где никого нет, этого мало - надо уметь петь и тон задавать, чтобы рядом стоящие пели, а я этого не умела.

В 1978-1979 гг. в МДА в Троице-Сергиевой Лавре открываются регентские курсы для женщин. По рекомендации отца Стефана я поступила туда учиться, но не закончила: чтобы петь ранние службы, необходимо было там жить в общежитии, а я не могла бросить службу и дом.

Был там памятный случай. Фортепьяно преподавала Нонна Андреевна. В классе я была самая старшая ученица, принимали молодежь с музыкальным образованием, меня взяли как человека со стажем работы в храме. Преподавательница как-то ко мне расположилась и стала задавать вопросы на духовные темы. Я ей и говорю: «Нонна Андреевна, ну что же вы ко мне обращаетесь со всеми вопросами, вы же при монастыре, здесь столько опытных духовных отцов, а вы ко мне». На это она мне ответила: «Я сама не знаю почему, но меня очень тянет к вам». Так вот она рассказывала о себе следующее: «У меня родители профессора, ярые коммунисты, а я сама не могу объяснить, почему пришла к Богу. Когда родители узнали, они поставили вопрос: «Или Бог или мы. Ты нас позоришь и лишишь работы». Она ответила: «Для меня - Бог», распрошлась с родителями и пришла в МДА преподавать. На это я ей сказала: «А нет ли среди ваших родных того, кто бы вымолил вас?». На этом разговор закончился.

Я служу в храме на Ваганьковском кладбище. Праздничный день, стою с настоятелем посреди храма на молебне, вдруг меня сзади кто-то обнимает, поворачиваю голову - это Нонна Андреевна. Она не могла от радости дождаться окончания службы и говорит мне на ухо: «Валентина Андреевна, ведь у меня дядя священномученик, последний ректор Ленинградской Духовной Академии (ЛДА)². И показывает его фото. От неё родители тщательно скрывали всё

о её родных. А потом, как я узнала от отца Владимира Янгичер - он был начальником этих курсов - у неё почти весь род - святые.

В эти же годы я занималась вокалом у Константина Михайловича Рутковского. Была вынуждена идти учиться, ставить дыхание, от многого чтения и напряжения у меня стала болеть голова.

МАТУШКА МАКАРИЯ

Приблизительно 1976-й год. С отцом Михаилом (Трухановым) мы навещали матушку Макарию из Темкина.

Приехали, батюшка встал на колени около постели матушки и сказал: «Матушка, поклоняясь страданиям твоим», затем отслужил молебен, освятил воду, к приезду батюшки было приготовлено 12 вёдер воды для освящения, которую потом матушка раздавала приходящим к ней. Причастил её, пособоровал, пообедали. Долго беседовал отец Михаил с матушкой Макарией, потом она говорит мне: «Иди ложись за меня, полежи со мною». Но надо сказать, это же тяжело больная матушка. Я обрадовалась такому её предложению и забралась на постель к ней за спину. Она мне и говорит: «А хорошо ты пишешь». Я была очень удивлена, откуда она могла знать, что я действительно много писала текстов для службы? Но это не всё. Вернулись мы домой. И я вскоре тяжело заболела. Здесь-то я и вспомнила, для чего матушка уложила меня с собой на постели: дала понять, что я тоже буду лежать и болеть.

СТАРШИЙ БРАТ СТАНИСЛАВ

В 1984 г. я служила в храме Воскресения Словущего, что на Ваганьковском кладбище. На Троицу во время вечерни, когда читались коленопреклоненные молитвы, я особенно молилась за брата Станислава, чтобы Господь его каким-то образом спас и привел к Себе. Не прошло и двух месяцев, в храме появляется его жена Надежда, которая практически в храм не ходила, вся в слезах, и говорит, что Станислава арестовали. Возрадовалась я в душе, что Господь услышал мою молитву, и говорю ей: «Вот теперь ходи в храм, молись, заказывай молебны, и Господь поможет». И действительно, было чудо, отсидел он 6 месяцев, отпустили, в документах даже не было записи о судимости.

У неё были чудесные видения. Однажды она видит сон, ей говорят: «Перечисли ему 18

² Речь идет о священномученике Александре (Трапицыне)

руб. 40 коп». А когда она пришла передавать передачи, ей говорят, что нужно ему переслать 18 руб. 40 коп. И много было ещё чудесных явлений. Так однажды она пришла в неприёмный день передать посылку, которую у неё приняли без всякой проверки, и когда Станиславу передали её в камеру, все были очень удивлены и всё спрашивали, кто у него здесь свой, хотя никого знакомых у них не было.

После освобождения он сразу пришел не домой, а к отцу Михаилу и благодарил его за молитвы. С тех пор и Станислав, и его жена стали настоящими христианами, еженедельно причащаются, он в течение вот уже 33 лет ежедневно читает акафист Святителю Николаю, знает его наизусть. Слава Богу, через скорби Господь приводит людей ко спасению.

Далее он и его жена Надежда становятся духовными чадами отца Михаила Труханова, вот их воспоминания.

СТАНИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ И НАДЕЖДА ДАВЫДОВНА

С отцом Михаилом мы знакомы с 1985 года. Мы его помним и любим как духовного отца, который своими проповедями способствовал нашему духовному совершенствованию, прививал любовь к Богу, показывая своим примером единственно правильный выбор в нашей повседневной жизни.

При посещении отца Михаила, слушая его наставления, мы задавали ему вопросы, волновавшие нас, рассказывали о своих скорбях. Батюшка отвечал на наши вопросы и не оставлял ни одного из них нерешенным и неясным для нас. Эти домашние беседы были интересными, батюшка интересовался, как у каждого из присутствующих проходит его духовное совершенствование (или, как он их называл, «подвиги»).

После посещения, прощаясь, мы получали благословение, в том числе и на совершение каких-либо благих дел. Батюшка никогда не отпускал никого из приходивших к нему домой без угождения, был ли это обед или только лишь чай.

Мы с супругой очень благодарны отцу Михаилу за огромное и благотворное участие в совершенствовании нашей духовной жизни. Главное, что он постоянно напоминал о любви к Богу, молитве и чтении Евангелия.

В 1997 году моей жене Надежде по рекомендации врачей нужно было сделать срочную операцию на сонной артерии. Она обратилась к батюшке за благословением на операцию, но получила отказ: батюшка сказал, что необходимы

мости в данной операции нет, и она отказалась от операции.

Однажды Надежда спросила батюшку: «Как быть, если во время поста по состоянию здоровья необходимо будет съесть скоромную пищу, как своего рода лекарство?». Он ответил: «Радость моя, один стакан молока тебя не спасёт, так что лучше исполнять то, что написано в церковном уставе: и по принятию пищи, и по выполнению других правил и послушаний».

Отец Михаил остаётся в нашей памяти живым, как будто он и не уходил от нас, но находится рядом. Вечная ему память!

МЛАДШАЯ СЕСТРА НАДЕЖДА

Живет своей жизнью. На все вопросы отвечает: «Я Богу молюсь. У меня - Матронушка и Святитель Николай, вот они мне и помогают». Все время болеет. На другие темы разговаривать не желает. Надеюсь, что Господь Своей милостью не оставит и её.

Сына моей сестры Надежды, Володю, родители боялись крестить: время было тяжелое, муж был категорически против, так как работал охранником в Кремле. Крестила я его дома сама, а потом носила в церковь воцерковлять. Священнику рассказала, как крестила, и он признал крещение правильным. Без документов его бы в храме не стали крестить, а родители неприятностей не хотели. Всё это было тогда не просто.

ОТНОШЕНИЯ С РОДНЫМИ

На войну взяли трех братьев отца: Иоанн вскоре погиб, а вот Артем вернулся, и Захар прошел всю войну, он нам помогал, присыпал посыпки с фронта и, вернувшись домой, также помогал. Спаси его, Господи! Но он был не только безбожник, но и богохульник, причины того я не знаю. Прошли годы, и вот однажды он пришел к нам в комнату, видимо, выпивши, и стал требовать, чтобы я сняла иконы, иначе он сейчас снимет их сам и выбросит, а я чтобы не занималась глупостями. На это я ему резко ответила: «Вон отсюда». С тех пор наши родственные отношения прекратились.

По его кончине я вижу сон. Находится он в железной клетке.

Прошло немного времени, скончался его сын Виктор. И вижу опять сон. Лежит дядя Захар в гробу, а на нём лежит сын его Виктор и старается его укусить в лицо. Тот отворачивается, а этот всё время стремиться его укусить. Надо сказать, что сын его жил без Бога, выпивал и прочее.

Хотя я знаю, что по церковным канонам мы не имеем право молиться за таких, но родственный долг и благодарность за то, что в тяжелые годы он помогал нам выжить, понуждала нас - не только меня, но и всю нашу семью, молиться за него. Всегда прошу прощения, чтобы Господь не поставил нам это в грех.

Прошли годы, и вот Господь утешил меня. В Великую среду 16.04. 2014 г. я, прия из храма, легла отдохнуть. Время между 13.00 и 14.00 дня. Вижу сон. На базаре хочу купить к празднику яйца. Смотрю в одном месте стоимость их 50 руб. Я пошла смотреть дальше. Дальше цена 110 руб., они большие, как гусиные. Думаю, нет, пойду за маленькими, поворачиваюсь, а передо мною мужчина: я смотрю внимательно - вроде как дядя Захар, покойник. Он улыбается слегка и говорит: «Да, да Захар». Сам он в длинном черном пальто и на голове тоже черный какой-то убор. Я ему говорю: «Давай петь "Совет Превечный", он кивает головой. Я запеваю, он мне подпевает в тон. Но я тут же забываю слова». Он мне говорит: «Давай слова». Я нахожу какие-то слова, и мы продолжаем петь. В это время - звонок, и я просыпаюсь.

ЧУДЕСНЫЕ СОБЫТИЯ

Однажды, доставая из холодильника продукты, я поставила полную литровую банку с вареньем неосторожно на край. В результате эта банка упала мне прямо на большой палец правой ноги с высоты полутора метров. От боли я почти потеряла сознание. С трудом добралась до постели. Как только прошло шоковое состояние, я приподнялась, перекрестила большую ногу, поблагодарила Господа: «Господи, благодарю Тебя, видимо, за грехи, которые я не вижу и не раскаялась, это мне попущено. Прости меня, за всё, и прими эту невыносимую боль в очищение моих грехов». И совершилось *настоящее чудо*. Полежав еще немного, пока всё успокоилось, я поднялась. Боль прошла. И у меня не было ни перелома, никаких других повреждений. Дивны дела Твои Господи!

1960-й год. Прикладываясь к Иверской иконе Божией Матери, что в Сокольниках, я ощутила необыкновенное благоухание и, так как народу было немного, долго стояла около иконы, чтобы запечатлеть запах (мне показалось, что это запах каких-то духов). После того, как я отошла и уже хотела уходить, мне еще раз захотелось приложиться к иконе и, хотя я тут же подошла к ней, уже никакого благоухания не было.

Вижу сон [10]. Нахожусь я в комнате, вся комната в иконах, но все они очень тусклые и живописи на них не видно. Я выбираю себе икону, но ни одна из них мне не нравится. Вдруг передо мной чьи-то руки развертывают что-то. Сияние было такое, что ослепило глаза, смотреть было невозможно, и сразу снова завернули. Какой-то голос как будто внутри говорит: «Так сияют праведники в Царстве Небесном. И как золото очищается огнем, так душа должна очиститься скорбями». И что нужно эту вещь хранить в глубоком смирении, а завернута была она в мешок с землей и травой. На этом сновидение закончилось.

Был день заговенья на Петров пост. Прия с работы поздно вечером, я пила молоко. Стакан не помыла, а рано утром, уходя на работу, из него попила чай (но здесь надо сказать, что мы жили с соседями, и лишний раз не хотелось выходить на кухню).

В эту ночь вижу сон. Сидим за столом, мама подает полную сковороду жареной вермишели. Смотрю - черные точки, стала их доставать вилкой, а там оказалась полная сковороды красных червей, прикрытых вермишелью.

Проснулась с полным отвращением, и даже как-то тошнило. Вот так быстро Господь вразумил - нельзя небрежно относиться к посту. После чего я стала более строго соблюдать посты.

Накануне Великого поста я была у отца Михаила, который говорил об уставе на Великий пост. Я очень спокойно сказала, что это, конечно, не для меня, так как у меня не хватит сил.

Под первый день Великого поста вижу сон. Нахожусь я в ванной. Стоит корыто, полное грязной воды после стирки, я ложкой пью эти помои и заедаю конфеткой. Потом опомнилась и говорю себе: «Зачем я пью эти помои, кто меня заставлял их пить?» - и отвечаю сама себе: «Никто, сама, а почему?».

Проснулась также с тошнотой и отвращением.

ХРАМ ВОСКРЕСЕНИЯ СЛОВУЩЕГО

С 1979-го по 2005 год я трудилась в храме Воскресения словущего, что на Ваганьковском кладбище.

До 1991 г. церковнослужителям и служащим в храмах не шел трудовой стаж, не назначали пенсию, не было никаких льгот. Ввиду очень сложной обстановки, всяких проверок, архивы, как мне известно, не сохраняли, а старались быстро уничтожать. Я сама была свидетелем, как староста уничтожала архив, я ей

помогала. И только в 1991 г. церковнослужителей и служащих в храме приравняли к государственным служащим, стали назначать и выплачивать пенсии.

С предприятия я ушла в 1973 г. и трудилась в разных храмах.

А в то время, когда стало известно, что будет идти стаж и назначаться пенсии, я служила в храме Воскресения Словущего на Ваганькове. Собрать документы прошлых лет оказалось сложно. Работала по договорам, а их не очень-то в те времена хранили. Тогда, староста Юрий Иванович Сорокин, спаси его, Господи, оформил меня по Ваганьковскому храму с момента моего ухода с предприятия в 1973 г., хотя фактически я там трудилась с 1979 г. по март 2005 г.

Пришла я в этот храм при настоятелем отце Николае Смирнове, а бухгалтером была уваженная староста из храма «Нечаянная Радость» Елена Борисовна Загрязкина, с которой мы вместе там трудились. Немного позже она стала здесь старостой, а я бухгалтером.

И вот однажды сдала я годовой отчет. Вдруг в 8 часов вечера мне звонит наша староста из Патриархии и кричит на меня: «Что же ты наделала - главный бухгалтер сидит полдня с нашим годовым отчетом и у него ничего не сходится». Я ей отвечаю: «Не знаю, но у меня сошлось все копейка в копейку». Оказалось, в Патриархии отчетность была самая элементарная. В отчетах не было дебиторов и кредиторов. Поехали на склад, сколько денег было, на столько и отоварились - ни больше ни меньше.

Храмы не имели права иметь у себя свободные деньги, надо было все излишки перечислять в разные фонды, а их было немало: Фонд мира, содержание Патриархии, были какие-то еще фонды, сейчас уже не помню. А у нас на конец года осталась приличная сумма денег, за которые нам попало бы. И я решила их перечислить в мастерские Патриархии для получения церковной утвари в следующем году, что не предусматривалось отчетностью. Потому у них и не сходились данные с получением свечей и церковной утвари и их оплатой с мастерскими Патриархии. Но зато на следующий год мы получили новые бланки годовой отчетности с внесением туда дебиторов, кредиторов и других показаний.

Немного позже настоятелем стал отец Валентин Парамонов.

Но клирос я никогда не оставляла и до поездки в Данию, совмещала две должности. Вернувшись из Дании, я отказалась от должности

бухгалтера по состоянию здоровья и осталась только псаломщицей.

Когда ещё отец Михаил Ежов благословлял меня в храм, я ему говорила, что в храме читают быстро, а я быстро не могу. На что он мне ответил: «Если их такое чтение не устраивает, то уходи, но как попало не читай». Ввиду того, что в те времена с чтецами был дефицит, то терпели и меня. Но вот наконец Господь послал такого настоятеля, который сам любил молиться и очень любил мое чтение. Как он говорил: «Терпеть не могу псаломническое чтение: ни себе, ни Богу, ни людям». Наконец-то я вздохнула от постоянных требований «быстрой, быстрой».

Позже, когда у нас были курсы по подготовке чтецов и подросли чтецы, я не всегда читала. Но в праздничные службы настоятель требовал, чтобы я читала сама. Однажды было так: стоит он в алтаре около жертвенника и смотрит, кто пойдёт читать Великое Повечерие под Рождество Христово. Я даю часослов Наталии, девочке, которая уже хорошо читала. Выходит отец настоятель и, обращаясь ко мне, говорит: «Лодырь, опять не хочешь читать, я сам пойду». Я отвечаю: «Иду, иду».

Был престольный праздник, должен был служить у нас архиерей. Я заболела, накануне говорю отцу настоятелю: «Я завтра не буду, горло болит, хриплю, всё равно читать не могу». На что он мне ответил: «Чтобы была, хрипи, но будешь читать ты». Ослушаться настоятеля нельзя, пришла больная. Когда кончилась служба, владыка вынес мне просфору с благодарностью и сказал: «Благодарю вас, я такого чтения не слышал никогда». То чтение, к которому меня приучили, не было стандартным.

В конце храма у нас располагалась бухгалтерия, по окончании службы иду вниз пить чай. Дверь в бухгалтерию открыта, подставлен стул. Спрашиваю: «Почему открыта у вас дверь и стоит стул?». Мне казначей отвечает: «Мы слушаем, как ты читаешь». Как-то после службы подходит женщина, благодарит за чтение и говорит: «Благодарю вас, наконец-то услышала, что читается», и такое было много-много раз. Однажды приходит знакомая, в этот раз я не читала, и говорит: «Я специально приехала сюда помолиться и послушать чтение, а ты не читаешь».

И вот отец настоятель говорит мне: «Ты должна передать свои знания другим». Я ему отвечаю: «Батюшка, у меня же нет никакого образования, я самоучка, чему я могу научить других, и кого?». На это он ответил: «Передай

то, что знаешь, и достаточно». И вот они со старостой пишут прошение на имя Патриарха: «Недостаток опытных чтецов и псаломщиков вынуждает нас на приходском уровне организовать занятия (школьного типа, человек на 15-20) с некоторыми из прихожан, подающими надежду на успех, дабы привить им навык самых элементарных сведений по уставу и пользованию богослужебными книгами с тем, чтобы они могли самостоятельно исполнять клиросное участие в проводимых богослужениях»[11].

С 1 июня 1993 г. открыли курсы, где я трудилась до своего увольнения. Но мало передать устав и чтение, встал вопрос и с пением, а я в этом вопросе совсем ничто. Вот мне было горе, но и здесь, как всегда, Господь меня не оставил и послал преподавателя музыки Любовь Александровну, которая безвозмездно трудилась все эти годы. В настоящее время она регент в храме Гребневской иконы Божией Матери в Одинцове. И что было удивительно, за все эти годы я не открыла ни одной книги, все объясняла по памяти, учились читать вместе хором, т.е. все 15 человек читали вместе. Это были самые счастливые годы. Люди торопились из разных храмов, приносили с собой обед, вместе обедали и потом занимались до 7 часов вечера, и никто не хотел уходить домой. Счастливое было время. Гуляя по кладбищу, молодой человек прочел объявление на двери храма, что открываются курсы, зашел спросить, можно ли прийти заниматься. А в настоящее время это – иеромонах Викторин, который служит в храме Веры, Надежды, Любви и Софии, что на Миусском кладбище.

20 октября 1993 г. была передача по эфиру о наших занятиях.

Помимо моего послушания руководителя школы чтецов и певцов, на клиросе как псаломщицы, мне отцом настоятелем было поручено решать самой все вопросы с регентами по проведению службы по церковному уставу, а я от него получала указания. От старости Юрия Ивановича Сорокина было поручено отвечать за певчих правого и левых хоров (у нас их было три), т.е. чтобы была дисциплина, хоры были укомплектованы, принимать, увольнять. Как он говорил: «Более трудного у него нет дела, как заниматься певчими».

Уезжая в Нижний Новгород, а затем в январе 2005 г. в Белоруссию, я еще продолжала работать до марта, так как на мои просьбы меня уволить староста отвечал: «Ты можешь на работе не быть, но чтобы всё было под твоим кон-

тролем и на клиросе с певчими был порядок». Также мне доверялось в храме снимать кружки. Такое занимаемое положение в храме вызвало негодование со стороны бухгалтера Л.Л. Горячевой и казначея Л.И. Сидоровой, было организовано собрание с участием уже нового настоятеля храма отца Иоанна Рыжова, и мне предъявлено множество обвинений, высказано недоверие. После моего объяснения, староста Юрий Иванович Сорокин сказал: «Если кто еще посмеет клеветать на В.А. Звонкову, уволю без разбирательства любого». И до конца дней моей работы все было тихо и спокойно.

ОТЕЦ ВАЛЕНТИН ПАРАМОНОВ

Мне пришлось много лет трудиться с отцом Валентином, и как я благодарна за это Богу! Память у отца Валентина была феноменальная. Устав церковный, каноны Рождеству, Крещению, знал наизусть не только ирмосы, но и сам текст. Жития святых и дни их празднования знал на каждый день на память.

Служил отец Валентин без выходных много лет, сам ежедневно совершал литургию, и когда ему советовали отдохнуть, он отвечал: «От кого отдыхать – от Бога?». Про свои выходные дни я спрашивала еженедельно у настоятеля, так как они менялись в зависимости от праздников. Как только обращаюсь к нему с этим вопросом, так буря негодования, непонимания – вообще, зачем мне выходные, и что я буду делать? Когда я ему объяснила, что у меня еще два старых человека, за которыми я ухаживаю, и у меня много домашних дел, тогда он сказал об этом старосте. Вызывает меня староста Юрий Иванович и говорит: «Найди человека, чтобы сидели с твоими стариками, мы будем оплачивать. А ты будь на службе». Но этого не произошло. Мои старики не захотели никого, кроме меня.

В нашем храме (на Ваганькове) трудились два алтарника, оба с высшим образованием – Владимир Антипов (в настоящее время духовник Нижегородской епархии), преподаватель высшей математики, и Константин, окончивший физико-технический институт. Наш отец настоятель не был склонен на «награды» и «поощрения», а если его не понимали, то доставалось и физически. Он сам был очень ревностный к службе, того же требовал и от своих помощников. Но что они знали, прияя из мира? Оба они прошли «высшую» школу смирения у нашего отца настоятеля, он их смирял так, что они выбегали из алтаря, чтобы физически не попало за их прегрешности. Выбегая, Константин шутил: «Надо купить шлем, чтобы голова была цела». Отец

Владимир по сей день благодарен отцу настоятелю за ту школу, которую он у него прошел. Оба они рукоположились в Нижегородской епархии у владыки Николая, не имея духовного образования. По-моему, и образования музыкального они не имели. Прошли годы, отец Владимир на приходе - в селе Просеке Нижегородской епархии. Пришлось мне побывать на его службе. Евхаристический канон. И вот он распевает все возгласы, да еще неумело, тяжело было молиться за такой службой. По окончании я сказала ему о тяжелом впечатлении от службы. Слава Богу, он принял это всерьёз, сейчас спокойно произносит возгласы при служении. А об о. Константине я написала в разделе «Отец Михаил Ежов».

Еще трудился в Ваганьково крещёный татарин Слава Файзуллин, выполнял все работы, от топки печи до алтаря; чистка канализации, снег, погрузка и разгрузка всего, звонарь. Менялись священники, старостат, а Слава был незаменим. Так однажды пришёл новый священник о. Дмитрий в алтарь, и был очень удивлён, какой-то человек в грязной одежде кадило разжигает - Слава просто не успел переодеться, торопился. Успевал работать и по кладбищу, красил ограды, убирал могилы. Целые дни проводил в храме, но вместе с тем никому ни в чем не отказывал, был добрым и отзывчивым, кому-то в долг деньги давал, кого-то подвозил. Бедным людям помогал бесплатно. Машина у него была старая легковая, которую он постоянно чинил и переделал под грузовую. В 1997 г. скончалась моя мама, лежала дома, Слава говорит: «Валентина Андреевна, зачем вам расходоваться, вызывать машину, я привезу гроб с мамой на своей машине». И действительно на своей убогой машине он её привез на Ваганьково, здесь отпевали и похоронили. И вот пришел день его смерти. Его провожали как архиерея, от церкви ему купили костюм, гроб и все остальное необходимое. На похороны собрались все сотрудники храма, даже давно уволенные, работники Ваганьковского кладбища, все старушки плакали по нему - для всех он был свой, все у него - друзья. Будучи татарином, но крещеным, он выполнил заповедь о любви к ближним, но к своим родным при жизни не ездил, говорил, что его там убьют. Царство Небесное рабу Божию Вячеславу! Помоги, Господи, нам грешным, так называемым христианам, подражать ему.

О ЧТЕНИИ В ХРАМЕ

Когда я начинала ходить в храм, я не понимала, что поют и читают, и думала, что если когда-либо мне придется читать, то буду читать

так, чтобы люди понимали, буду выговаривать каждое слово. Далее я начинаю читать у отца Михаила Ежова в селе, где никого нет в храме. Батюшка мне говорил: «Читая, молись сама, и люди будут молиться, читай так, чтобы люди понимали, что ты читаешь, не торопись».

Но я знала, что так отчётливо в храме не читают, и говорю батюшке, что меня нигде терпеть не будут. На что он ответил: «Тогда уходи, а кое-как читать не смей!».

Примерно в 1997 г. по усиленной просьбе наместника монастыря архимандрита Никандра о. Михаил посетил Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь Костромской епархии. Мы были на всенощной. Служба воскресная 4-го гласа. Запомнилась она мне на всю жизнь. Шла она долго - началась в 5 вечера, и где-то около 10 вечера мы были дома. Но восхищению нашему не было конца! Всё прошло на одном дыхании, мы не устали. Поэтому что пели и читали так, что мы слышали, понимали и разбирали каждое слово, так четко и ясно произносились не только слова, но и слог выговаривался. Мы как бы сами принимали участие в службе, так было хорошо. Тропари, стихиры, ирмосы и даже чтение канона были понятны. Когда утром мы спросили отца архимандрита, откуда у него такие прекрасные певцы и чтецы, он ответил: «Это почаевские иеромонахи с консерваторским образованием».

Прошло время, и мне пришлось быть на службах в Никольском храме в Рогачеве Московской области, были праздники Отдания Пасхи и Вознесение. Во время всенощной я не поняла ни одной стихиры, и было вообще не понятно, как и что пели, но мое терпение подошло к концу, когда я не поняла чтение Святого Евангелия. Хотя мне было достаточно одно слово услышать, чтобы я могла понять, о чем идет речь, но и этого я не услышала. Еле-еле, с возмущением я достояла службы, хотя было желание уйти. Утром на исповеди я об этом сказала священнику, он мне ответил, что это такая акустика в храме. Я говорю: «Но когда вы просто говорите, например, «Со страхом Божиим», мы же всё понимаем». На следующий день было Вознесение, подхожу я к кресту и говорю: «Батюшка, спаси вас Господи, сегодня поняла чтение Евангелия». Он отвечает: «Я очень старался!». Оно и видно, что старался. Вот так мы молимся в храме, не понимая, что поют, что читают.

Была в гостях, пошли к Литургии в храм в честь Казанской иконы Божией Матери (Московская область, Сергиево-Посадский город-

ской округ, дер. Гагино). На клиросе пела одна певчая, сопрано, но так высоко и так округляла все слова, что практически ни одного слова понять было невозможно. Я даже не узнала «Херувимской». Молилась своими словами и просила, чтобы только не раздражаться, не осудить и дождаться конца службы. Дома за чаем хозяйка тихо-аккуратно спрашивает: «Как вам наша служба?». Так как это её приход, мне не хотелось её огорчать, я только сказала, что я ничего не поняла, молилась сама. Она говорит: «Да, да, я тоже ничего не понимаю, молюсь как умею».

Мы готовились ко дню памяти батюшки Михаила, и Ирине я велела уйти со службы пораньше - надо было готовить. Приходит она, спрашиваю: «Ты уходила, а что в храме пели?». Она отвечает: «А я ничего в службе не понимаю». Спрашиваю: «А как же ты столько часов стоишь и ничего не понимаешь?» - «А так - молюсь сама по себе». А ведь она постоянная прихожанка храма много лет. Много можно приводить подобных случаев. Как это всё грустно!

Стою на службе, к иконе подходит приложиться мужчина, видно, что молится усердно, сосредоточенно, но крестное знамение на себя налагает так, что не касается тела, а по воздуху. Мне так сделалось больно - наш батюшка с таким трепетом относился к крестному знамению и всегда говорил: «Наше тело должно на себе ощущать крестное знамение, а иначе только бесы радуются и не боятся такого креста». На эту тему много у батюшки написано. И я тихонько хотела подсказать мужчине, на что он мне резко ответил: «Что вы меня учите? Посмотрите на священников».

К великому сожалению, в одном храме г. Москвы настоятель - митрофорный протоиерей - ни одного раза не положил на себя крестного знамения как положено. Сначала мне показалось, это случайно, но потом невольно стала обращать внимание и убедилась, что действительно это так. У меня было большое желание подойти к нему и сказать, но что-то удерживало меня, и я перестала ходить, чтобы не осуждать и не раздражаться, - не могу видеть, как небрежно относятся к нашему спасительному оружию против лукавого.

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

До 1988 г. была установка правительства на закрытие храмов и под разными предлогами оказывалось давление на церковь - и финансовое, и моральное. Проверка финотделов дохо-

дила до того, что в похоронных бюро узнавали, куда везут покойника, и если в храм, то в этом храме проверяли, оформили ли отпевание - чтобы не было никаких левых доходов в храме.

А что касается крестин, то вызывали людей и у них уточняли, сколько они платили в храм за крестины. Так однажды мою знакомую Елену вызвали в райисполком и начали с вопроса, что она делала год назад в такой-то день. Она говорит: «Да вы что, разве я помню, что было год назад?». Тогда ей напомнили, что она крестила своего ребенка, и стали стыдить, как она, молодая женщина, могла верить старым предрассудкам, и напоминать о том, в какое время она живет, к чему идет страна. На что она ответила: «Мне надо работать, с ребенком сидеть некому, мама отказалась сидеть, если ребенок будет некрещеный».

По храмам шли большие финансовые проверки, людей снимали, сажали. Так, меня 17 мая 1987 г. повесткой вызывают в прокуратуру. Для меня это была большая неожиданность, сказала об этом своей старосте, а она и говорит: «Ты не беспокойся. Дело в том, что сейчас все документы по храму на Пятницкой находятся в прокуратуре, на них завели уголовное дело. Но следователи никак не могут разобраться с церковными делами и просили (не знаю, через Патриархию или её знакомые лично) грамотного бухгалтера». Во-первых, меня знали и в Патриархии, - как мне потом сказала староста, они просили её отпустить меня работать к ним, но она отказалась. И вот меня рекомендовали разобраться с документами. Подробностей этой работы я сейчас не помню. Но результат был такой: дело было закрыто.

Однажды на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 1981 г. стою на клиросе в храме «Всех Святых», светит солнце в окно, на душе благодать, но мне нужно было пройти по делам через храм к свечному ящику. Прохожу по центру, вдруг меня за руку берет мужчина, поднимая голову, передо мной стоит молодой интеллигентный человек и говорит: «А вы у нас на учёте состоите». Я отвечаю: «Очень приятно» - и пошла дальше, но на душе было далеко не приятно. Я и сама знала, что мы, верующие, все на учете.

В шестидесятые годы Хрущев говорил, что покажет по телевизору последнего попа и закроет все храмы, оставит только немного для доживающих пенсионеров.

В это же время пришёл мой родственник и сказал маме, чтобы я ушла из храма, так как на закрытом партийном собрании решили, что

из храмов всех будут забирать и сажать. На что я ответила: «Что будет всем верующим, то будет и мне, из храма я не уйду».

Вот один из случаев притеснения верующих того времени. Пела я на клиросе в храме «Всех Святых». Пасха 1967 года. Подходим мы с братом Серёжей к храму. Стоит картонная преграда, пропускают только стареньких бабушек. Я говорю: «Я работаю в храме и иду на службу». Говорят: «Хорошо, вы идите», а брата - ни в какую. Я говорю: «Это мой сын, и вы не имеете права его не пускать». Они слушать не хотят и выталкивают его за картон. Я вцепилась ему в руку, и мы его тащим в разные стороны. Чувствую, они пересиливают, и тогда я как закричала во всю мощь: «Где начальники, что за безобразие?». Подбежал какой-то в полонах, я ему объясняю ситуацию, и он нас сам проводил до храма. А друга Серёжи, такого же возраста, который шел на Пасху в храм, забрали в отделение милиции и задержали до утра.

На работу в храм на любую должность людей до 40 лет официально запрещалось брать.

(Продолжение в следующем номере).

Примечания

1. Слово «Бог» в своих работах и письмах отец Михаил заменял другими словами, например: Истина, Субстанция, в те времена это было необходимо.

2. В это время, я уже познакомилась с верующими по храму, и они мне стали давать читать духовные книги. Помню, это были Жития Святых.

3. У моей подруги Полины была парализована мама Анна, она вообще ничего не говорила. Когда мы с Полиной пели около её больной мамы, то она пела с нами «К кому возопию, Владычице», «Царице моя Преблагая», «Да воскреснет Бог» или другие молитвы, чисто и ясно. Кончаем петь, она снова не может сказать ни одного слова, как и раньше. Это было чудо и удивительно для всех.

4. См. приложение № 1. «Восстань и восстань и от сна пробудись».

5. Вот выписка из письма о. Николая: «17/05/1959 г. Продолжай пользоваться советами о. Михаила, как более опытного иющего выслушать. Исповедь и совет - дело разное, и я советов не даю, так что можешь быть спокойна. Если Господь разлучил, то не грусти, значит нет дороги к Д., потерпи всё пройдет. В монастырь, если есть возможность, поезжай, пока не жарко».

6. Фотографии сделаны в 1960-х годах, в эти годы он женился, а дружба наша началась с 1954 года.

7. *Михаил Труханов, прот.* Не могу не говорить о Христе. Минск: Лучи Софии, 2009. С. 54-61.

8. См. приложение № 2. Письмо Преосвященному Владыке. Епископ Друцкий викарий Витебской епархии. Белоруссия. Письмо не было отправлено мною после сна, а отношения с ним были не официальные а дружественные.

9. Я жила и училась в это время в Пушкино - это мой родной город. Помню это событие. Некоторые знакомые погибли, и директор нашей школы тоже пострадала - поломала ноги. (Марина Андронова добавила от себя. - В.З.)

10. Когда я говорю, «вижу сон», - это нечто другое. Всегда бывает под утро, т.е. это так называемый тонкий сон, после чего уже не сплю. И переживания виденного остаются навсегда в памяти и, как правило, оказывают свое действие: это или предупреждение, или вразумление, или объяснение того, что накануне меня волновало.

11. См. приложение № 3. Прошение на имя Патриарха и разрешение. В данном прошении мы видим, какое состояние на клиросах было в те годы, что просим разрешения подучить прихожан хотя бы читать и немного петь во время службы.

Приложения (№1-3)

Приложение № 1

Восстань и восстань от сна

Восстань и восстань и от сна пробудись,
И горько восплачь, и Богу молись,
Наверно не знаешь, что Суд при дверях,
А ты почиваешь во тьме и грехах.

Восстань и восстань и в себя приди.
Восстань! Смерть с косой уже ждет позади.
Ой, страшная смерть, ты зачем здесь стоишь?
Кого ты здесь ищешь? Так зорко глядишь.

Иль ты, ошибаясь, пришла ты ко мне,
Иль я ошибаюсь и вижу во сне.

Нет, я не ошиблась, пришла я к тебе,
Ни сребром, ни златом не откупишь мене.

Свою косой поражу я тебя.
Ой страшная смерть, я тебя так боюсь,
А как же я, грешник, пред Богом явлюсь?

Я послана Богом тебя разлучить,
А там Его воля, Он будет судить.

Чего заслужил ты - с тобой все пойдет,
Добро или худо - никто не возьмет.
Ой, страшная смерть, умоляю тебя,
Хотя на немного оставь ты меня,
Я горько восплачу, умоюсь в слезах,
И Богу покаюсь в своих я грехах.
Я в Божию церковь пойду - помолюсь,
И Телом и Кровью Христа приобщусь.
Я малых малюток крестом осеню,
И с верой, с надеждой отсель отойду.
Я молод летами, еще не готов,
На мне преисполнено много грехов.
Было тебе время - стоял полный свет,
Теперь тебе время идти на ответ.
Уйди же, уйди, удались от меня,
Я молод летами, не ждал я тебя.
Так, кончено дело - с тобой говорить,
Мне нужно скорее тебя похитить,
Замолкла тут смерть и ни слова ему,
И ручки и ножки подсекла ему.
И все в этот час совершила она,
И душу от тела она развела.

щеннических одеяниях, на паперти стоят нищие, а он все время находится сзади меня. Он показывает мне, чтобы я подала им милостыню. Я подаю милостыню нищим, он радуется этой милостыне. Входим мы с ним в храм, он около порога становится на колени и долго находится в поклоне, потом поднимается, и по его лицу текут ручьем слёзы (вид его, прямо скажу, нищенский), и я слышу очень ясный голос: «По его писанине много младёжи пришло к Богу». На этом я проснулась.

Из всего этого я поняла, что он просит помочи, и, конечно, написав это о нем, ему от этого не будет лучше. Поэтому мне и пришлось из готового материала вычеркнуть эти страницы.

Помнящая Вас всегда в молитвах.
Валентина 09 июля 2008 г.

Приложение № 3

Ваганьково
С 1993 г. открыты курсы.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ АЛЕКСИЮ II,
СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВ-
СКОМУ И ВСЕЯ РУСИ

ПРОШЕНИЕ

Недостаток опытных чтецов и псаломщиков вынуждает нас на приходском уровне организовать занятия (школьного типа, человек на 15-20) с некоторыми из прихожан, подающими надежду на успех, дабы привить им наивык самых элементарных сведений по уставу и пользованию богослужебными книгами с тем, чтобы они могли самостоятельно исполнять клиросное участие в проводимых богослужениях.

Настоящим, о начале предпринимаемого нами дела, мы и просим благословения Вашего Святейшества.

Вашего Святейшества
смиренные послушники и богомольцы.

14 мая 1993 г.

Приложение № 2

Преосвященейший Владыко Петр, благословите!

Хочу объяснить причину вычеркивания двух страниц об о. Александре Мене.

Много было разных предложений со стороны читателей, оставить эту статью или нет, причем очень горячо это обсуждалось. Были предложения особенно об этом помолиться, так как это - серьёзный вопрос, который я оставила на соборное решение, в частности, и на Ваше. Вот поэтому я и включила эти страницы в работу. Сегодня день отправки. Всё готово. Я долго не спала, торопилась закончить. А под утро решила доспать. И вот уже около 10 часов утра я вижу очень ясный сон. Нахожусь я в храме. На какой-то большой подставке стоит развернутая очень большая красивая книга. Кто-то спрашивает, что это за книга? Я отвечаю, что это сделано по моему заказу. И здесь рядом со мной оказался отец Александр Мень, он как бы обращается ко мне и мы выходим с ним из храма. Он выглядит очень плохо, но не в свя-

КАНЦЕЛЯРИЯ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ

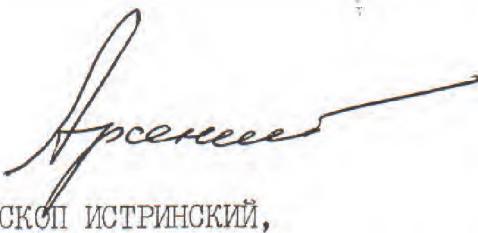
119034, Москва, Чистый пер., 5
Тел. 201-23-40

№ 1594
• 18 мая 19 93 г.

СОРОКИНУ Юрию ИВАНОВИЧУ,
председателю приходского совета храма Воскресения
Словущего на Ваганьковском кладбище

Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вам резолюцию ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем прошении о благословении на организацию занятий по обучению пользованию богослужебными книгами и навыку элементарных сведений по уставу с тем, чтобы учащиеся могли самостоятельно исполнять клиросное участие в проводимых богослужениях:

"17.У.1993. Бог благословит благую заботу о пополнении кадров, могущих со знанием устава нести клиросное послушание".

ЕПИСКОП ИСТРИНСКИЙ,
викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси